

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

Один из наиболее ярких
и запоминающихся голосов
в жанре современного триллера.

The Providence Journal

ЭКСПЕРИМЕНТ

Захватывающая книга! Тоби Харпер — обаятельная героиня,
способная вдохновенно вести расследование!

Good Housekeeping

Звезды мирового детектива

Тесс Герритсен

Эксперимент

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Герритсен Т.

Эксперимент / Т. Герритсен — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-17879-3

Странная клиническая картина обнаруживается у двоих пациентов отделения неотложной помощи. Еще более странными кажутся обстоятельства бесследного исчезновения одного и смерти другого. Все это происходит во время дежурств доктора Тоби Харпер, и она выясняет, что еще совсем недавно оба были здоровы и ни на что не жаловались. Что же случилось с этими людьми? По какой причине лечащий врач умершего больного отказался проводить вскрытие? Попытка найти ответы на эти вопросы приводит Тоби в поселок Брэнт-Хилл, где живут богатые пожилые люди, считающие, что за деньги можно купить все, даже вечную молодость. Постепенно перед доктором Харпер вырисовывается схема преступления, в котором замешаны те, кто давал клятву Гиппократу... Ранее роман издавался под названием «Бешенство».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17879-3

© Герритсен Т., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

1	6
2	9
3	16
4	29
5	40
6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тесс Герритсен Эксперимент

Tess Gerritsen

LIFE SUPPORT

Copyright © 1997 by Tess Gerritsen

All rights reserved

Перевод с английского Аллы Сандлер

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

Ранее роман издавался под названием «Бешенство».

Серия «Звезды мирового детектива»

© А. И. Сандлер, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джекобу, Адаму и Джошу – мужчинам моей жизни

1

Великолепная штука – скальпель.

Доктор Стенли Маки никогда прежде не замечал этого. Но сейчас, когда он стоял под бестеневыми лампами, склонив голову, он внезапно осознал, что любит тем, как свет отражается от лезвия и рассыпается бриллиантовыми брызгами. Это настоящий шедевр – бритвенно-острый полумесяц из нержавеющей стали, столь прекрасный, что доктор никак не осмеливался взять его, опасаясь, что может каким-то образом испортить его очарование. На поверхности лезвия играла маленькая радуга – свет, разложенный на простейшие составляющие.

– Доктор Маки! Что-то не так?

Он поднял глаза и увидел операционную сестру, которая хмуро смотрела на него поверх маски. Он никогда прежде не обращал внимания на то, какие зеленые у нее глаза. Казалось, он видел, по-настоящему видел многое будто впервые. Бархатистую текстуру ее кожи. Тонкую жилку на виске. Родинку прямо над бровью.

Родинку? Он пригляделся. Крохотное темное пятнышко подползало к уголку ее глаза, словно многоногое насекомое...

– Стен! – Голос анестезиолога, доктора Рудмана, пререзал смятение Маки. – С вами все в порядке?

Маки тряхнул головой. Букашка исчезла, снова обернувшись родинкой, малюсеньким пятнышком темного пигмента на светлой коже медсестры. Он сделал глубокий вдох и взял скальпель из лотка с инструментами. Затем перевел взгляд на женщину, лежавшую перед ним на столе.

Операционные лампы были направлены на нижнюю часть ее живота. Голубые медицинские простыни уже закрепили в нужных местах, оставив открытым прямоугольник обнаженной плоти. Живот был красивый: плоский, со светлым следом от трусиков бикини, соединившим изящные парные бугорки тазовых костей, – удивительное зрелище в сезон метелей и по-зимнему бледных лиц. Жаль, что придется резать такую красоту. Шрам, который оставит аппендэктомия, в будущем навредит карибскому загару.

Он приставил кончик лезвия, ориентируясь на точку Макберни – прямо посередине между пупком и выступом правой тазовой кости. Примерно здесь и расположен аппендикс. Он уже готов был сделать надрез, но вдруг остановился.

Его рука дрожала.

Он не понимал, в чем дело. Такого никогда не случалось. Стенли Маки всегда отличался непоколебимой твердостью руки. Теперь же ему потребовалось громадное усилие, чтобы только не выронить инструмент. Он судорожно плотнул и оторвал лезвие от кожи. «Спокойно. Сделай пару-тройку глубоких вдохов. Это пройдет».

– Стен!

Подняв взгляд, Маки увидел, что доктор Рудман нахмурился. Хмурились и обе сестры. Маки читал в их глазах те же вопросы, что уже несколько недель шепотом задавали коллеги у него за спиной: «По-прежнему ли сведущ старый доктор Маки? Ему семьдесят четыре – стоит ли его допускать к операциям?» Он не стал обращать внимание на эти взгляды. Ему и так пришлось защищаться перед квалификационной комиссией и разяснять обстоятельства смерти своего недавнего пациента. В конце концов, хирургическое вмешательство всегда сопряжено с риском. Если в брюшной полости слишком много очагов кровотечения, легко спутать анатомические ориентиры, сделать неверный надрез.

Комиссия, проявив мудрость, сняла с него обвинения.

Тем не менее у больничного персонала зародились сомнения. Он видел их на лицах медсестер, в суровом взгляде доктора Рудмана, во всех тех глазах, что неотступно следили за ним. Неожиданно он ощутил на себе и другие взгляды. На мгновение ему показалось, что в воздухе плавают десятки глазных яблок и все зрачки направлены на него.

Он моргнул, и жуткое видение исчезло.

«Все дело в очках, – подумал он. – Надо будет их проверить».

Капля пота скользнула по щеке. Он крепче сжал скальпель. Это же простая аппендэктомия, операция, с которой справится любой начинающий хирург-интерн. Разумеется, сможет и он, даже дрожащими руками.

Он сосредоточился на животе пациентки, на этом плоском золотисто-смуглом животе. Дженнифер Хэлси, тридцать шесть лет. Приезжая из другого штата, проснулась утром в номере бостонского мотеля от боли в правой нижней части живота. Преодолевая нарастающую боль, через лютую метель добралась до отделения неотложной помощи больницы Виклин, откуда попала к дежурному хирургу Маки. Она ничего не знала о слухах насчет его некомпетентности, о приглушенных, полных лжи пересудах, неуклонно уничтожавших его врачебную репутацию. Она была просто страдающей от боли женщиной, которой срочно требовалось удалить воспаленный аппендикс.

Маки прижал острое к коже Дженнифер. Дрожь в руке прошла. Он может. Разумеется, он может это сделать. Он сделал надрез, проведя тонкую четкую линию. Операционная сестра помогала ему, удаляя кровь, передавая зажимы. Он прорезал глубже, сквозь желтоватый подкожный жир, время от времени останавливаясь, чтобы прекратить кровотечение. «Ничего сложного. Все будет отлично». Он доберется до брюшной полости, удалит аппендикс, и все. А потом отправится домой. Возможно, чтобы вновь обрести ясную голову, ему просто нужно немного отдохнуть.

Он прорезал блестящую брюшину и попал в полость.

– Открыть, – велел он.

Стальным расширителем сестра аккуратно раздвинула края раны.

Просунув руку в отверстие, Маки почувствовал, как теплые и скользкие кишки окружили его пальцы в резиновой перчатке. Что за удивительное ощущение – проникнуть в жар человеческого тела. Все равно что вернуться в гостеприимную материнскую утробу. А вот и аппендикс. Одного взгляда на покрасневшую, вспухшую ткань хватило, чтобы понять: диагноз верен, аппендикс нужно удалять. Маки потянулся к скальпелю.

Однако, снова переведя взгляд на разрез, он понял: что-то не так.

В брюшной полости наблюдался явный избыток кишок, раза в два больше необходимого. Гораздо больше, чем требуется этой девице. Так не пойдет. Он потянул за петлю тонкой кишки; гладкая, теплая, она скользнула по перчатке. Скальпелем он отхватил лишний кусок и опустил влажную спираль в лоток. «Ну вот, – подумал он. – Так-то лучше».

Глаза операционной сестры, которая изумленно уставилась на него, расширились до предела.

– Что вы делаете? – воскликнула она.

– Слишком длинные кишки. Так не годится.

Он запустил руку в брюшную полость и снова извлек петлю кишечника. Эта лишняя плоть совсем ни к чему, только обзор закрывает.

– Доктор Маки, не надо!

Он сделал надрез. Кровь горячей дугой хлестнула из обрубленного кольца.

Сестра схватила его обтянутую перчаткой руку. Он гневно стряхнул ее ладонь – какая-то медсестра посмела прервать процесс!

– Пришлите другую сестру, – распорядился он. – И дайте отсос. Нужно убрать всю эту кровь.

– Остановите его! Помогите мне остановить его!

Свободной рукой Маки дотянулся до катетера отсоса и погрузил его в рану. Кровь забурлила в трубке и полилась в резервуар.

Чья-то рука схватила его за халат и оттащила от стола. Это был доктор Рудман. Маки попытался высвободиться из его хватки, но Рудман не отпускал.

– Положите скальпель, Стен.

– Ее придется обработать. Слишком много кишок.

– Положите инструмент!

Сияясь освободиться, Маки резко повернулся к Рудману. Он забыл, что все еще держит скальпель. Лезвие полоснуло по шее Рудмана. Тот вскрикнул и схватился за горло.

Маки попятился, не сводя глаз с крови, которая сочилась из-под пальцев Рудмана.

– Это не я, – пробормотал он. – Я не виноват.

Медсестра завопила в переговорное устройство:

– Пришлите охрану! Он сошел с ума! Нам нужна охрана! Срочно!

Маки неловко попятился, поскользнувшись на луже крови. Крови Рудмана. Крови Дженнифер. Багровое озерцо расползлось по полу. Маки бросился прочь из операционной.

Остальные кинулись за ним.

Ослепленный паникой, он устремился к выходу, путаясь в лабиринте больничных коридоров. Где это он? Почему все вокруг кажется незнакомым? И тут прямо перед собой он увидел окно, за которым кружились хлопья снега. Снег. Это холодное белое кружево очистит его, смоем кровь с его рук.

За спиной послышался топот погони. Кто-то крикнул: «Стоять!»

Сделав для разбега три громадных шага, Маки ринулся в светлый прямоугольник.

Стекло взорвалось миллионами алмазных брызг. Холодный воздух засвистел за спиной. Все кругом было белым – прекрасная кристальная белизна.

А он летел, летел, летел...

2

На улице стояло настоящее пекло, поэтому водитель запустил кондиционер на всю катушку, и Молли Пикер на заднем сиденье откровенно мерзла. Холодный воздух из вентиляционного отверстия, расположенного возле ее колен, бесцеремонно устремлялся прямо под короткую юбочку. Подавшись вперед, она постучала в плексигласовую перегородку.

– Простите, пожалуйста, – сказала она. – Эй, ау! Вы не могли бы выключить кондиционер? Ау!

Она постучала снова.

Водитель, казалось, ее не слышал. А может, просто не обращал внимания. Ей был виден только белобрысый затылок.

Поежившись, она скрестила руки на груди и отодвинулась подальше от вентилятора. За окном проплывали улицы Бостона. Места были ей совершенно незнакомы, однако Молли поняла, что машина следует на юг – на последнем дорожном указателе значилось: «Вашингтон-стрит, Южный Бостон». Сейчас она разглядывала приземистые здания с зарешеченными окнами и группки сидящих на крылечках людей с лоснящимися от пота лицами. Еще не начался июнь, а температура уже под тридцать. По людям на улице легко было понять, что за окном жара: безвольно ссутулившись, они медленно брели по тротуарам. Молли нравилось разглядывать людей. В основном она смотрела на женщин, находя их более интересными. Она рассматривала их наряды и удивлялась, почему некоторые женщины носят в жару черное, почему толстухи натягивают на свои задницы яркие облегающие штаны, почему никто теперь не носит головных уборов. Она изучала походку красоток: покачивая бедрами, они отлично сохраняли равновесие на высоченных каблуках. Она гадала: какими секретами, неизвестными ей, владеют эти женщины? Интересно, чему их учили мамы и почему эти уроки упустила Молли? Она долго и пристально вглядывалась в их лица, надеясь постичь тайну их красоты. Какой магией владеют эти красавицы и чем обделена она, Молли Пикер.

Машина остановилась перед светофором. На углу стояла, выпятив бедро, девица в туфлях на платформе. Проститутка, как и Молли, но постарше, лет восемнадцати, с роскошной черной гривой, разметавшейся по бронзовым плечам. «Черные волосы – это было бы здорово», – с мечтательной завистью подумала Молли. Они говорят сами за себя. Не то что ее собственный, не пойми какой цвет – не темный, но и не светлый, да и волосенки мягкие – в общем, вида никакого. Сквозь затемненные стекла машины брюнетка не могла видеть, что Молли пялится на нее, но, казалось, чувствовала взгляд, потому что, неторопливо развернувшись на своих каблучищах, встала лицом к лимузину.

Не такая уж она и красавица.

Молли откинулась на спинку сиденья, испытывая непонятное разочарование.

Машина свернула налево, на юго-восток. Они были уже далеко от мест, хорошо известных Молли, и направлялись в незнакомый и опасный район. Жара выгнала людей из домов; они сидели в затененных дверных проемах, обмахиваясь кто чем и провожая взглядами плывущий мимо автомобиль. Они знали, что такого нет ни у кого в округе. Да и сама Молли понимала, что она здесь чужая. Куда же это Роми ее отправил?

Адреса он ей не дал. Обычно ей в руку сovali бумажку с каракулями, в которых угадывались название улицы и номер дома, и Молли приходилось изворачиваться, чтобы наскрести на такси. Однако на этот раз ее ждала машина. Шикарный автомобиль, без красноречивых пятен на заднем сиденье и вонючих скомканных салфеток, забитых в пепельницу. Он весь был просто неправдоподобно чистый. Молли никогда прежде не доводилось ездить в таких чистых автомобилях.

Шофер свернул в переулок налево. Здесь уже не было сидевших вдоль улицы людей. Но Молли знала: они по-прежнему наблюдают. Она это чувствовала. Пошарив в сумочке, выудила оттуда сигарету и прикурила. Молли успела сделать лишь пару затяжек, когда бестелесный голос произнес:

– Пожалуйста, затуши.

Молли изумленно огляделась:

– Чего?

– Я сказал, затуши. В этой машине курить не разрешается.

Виновато зардевшись, Молли быстренько затолкала сигарету в пепельницу. Тут она заметила, что в перегородке есть крохотный динамик.

– Ау! Вы меня слышите? – крикнула она.

Ответа не последовало.

– Послушайте, вы не могли бы выключить кондиционер? Я тут уже окоченела. Эй! Господин шофер!

Поток ледяного воздуха стих.

– Ну спасибочки, – сказала она. И добавила шепотом: – Вот скотина!

Найдя кнопку стеклоподъемника, Молли приоткрыла окно. Жаркий запах летнего города, горячий и сернистый, ворвался в салон. Она ничего не имела против жары. Жара напоминала ей о доме, о влажных знойных летних деньках из детства, которое она провела в Бофорте. Чертовски хотелось курить, однако у нее не было никакого желания препираться с жестяной коробочкой.

Машина сбросила газ и остановилась. Голос из динамика сказал:

– Приехали. Можешь выходить.

– Что, здесь?

– Нужный дом прямо перед тобой.

Молли взглянула на четырехэтажное кирпичное здание. Окна первого этажа были зарешечены. На тротуаре поблескивало битое стекло.

– Вы, наверное, шутите, – удивилась она.

– Входная дверь открыта. Поднимешься на третий этаж, последняя дверь справа. Стучать не надо, просто входи.

– Роми ничего такого не говорил.

– Роми сказал, ты не будешь упрямиться.

– Да, но вообще-то...

– Это всего лишь часть игры, Молли.

– Какой игры?

– Фантазии твоего клиента. Знаешь ведь, как это бывает.

Молли тяжело вздохнула и снова посмотрела на здание. Ох уж эти клиенты с их фантазиями! Какого хрена вообразил себе этот парень? Трахаться в компании крыс и тараканов? Чутьточку опасности, капельку мерзости для обострения удовольствия? И почему фантазии клиентов никогда не совпадают с ее собственными? Уютный гостиничный номер с джакузи, Ричард Гир с Красоткой попивают шампанское...

– Он ждет.

– Да иду я, иду! – Молли распахнула дверь и ступила на тротуар. – Вы ведь меня дожидетесь, верно?

– Буду на этом самом месте.

Она повернулась к дому и вздохнула. Затем поднялась по ступенькам и толкнула дверь.

Внутри вид был не лучше, чем снаружи. Все стены изрисованы, коридор завален газетами и ржавыми пружинами. Это ж надо было постараться устроить такую помойку!

Молли пошла вверх по лестнице. В здании царила зловещая тишина, и перестук ее каблуков эхом отражался от стен. Дойдя до второго этажа, она заметила, что у нее взмокли ладони.

Что-то здесь не так. Совсем не так.

Молли остановилась на лестничной площадке, глядя в сторону третьего этажа. «Во что ты меня втянул, Роми? И что вообще это за клиент?»

Обтерев влажные ладони о блузку, она вздохнула и поднялась еще на один пролет. В коридоре третьего этажа остановилась у последней двери справа. Изнутри доносилось какое-то жужжание – кондиционер? Девушка открыла дверь.

Ее обдало волной прохлады. Сделав шаг внутрь, она, к своему изумлению, очутилась в комнате с белоснежными стенами. Посередине стояло что-то вроде стола для врачебного осмотра с обивкой из красно-коричневого винила. Никакой другой мебели в комнате не было, даже стула.

– Здравствуй, Молли.

Она резко обернулась, ища глазами человека, назвавшего ее по имени. Но в комнате никого не было.

– Где вы? – спросила она.

– Тебе нечего бояться. Я просто немного застенчив. Сначала мне хотелось бы взглянуть на тебя.

Молли обратила внимание на зеркало, висевшее на дальней стене.

– Вы там, сзади, верно? Это что-то вроде одностороннего зеркала?

– Умница.

– Так чего вы от меня хотите?

– Поговори со мной.

– И все?

– А потом еще кое-что.

«Ну разумеется. Потом всегда еще кое-что». Она подошла – почти непроизвольно – к зеркалу. Он сказал, что стесняется. Ей стало немного легче. Так, пока все под контролем. Она встала, уперев руку в обтянутое мини-юбкой бедро.

– Ладно. Если вы хотите поговорить, пожалуйста – деньги-то ваши.

– Сколько тебе лет, Молли?

– Шестнадцать.

– У тебя регулярный цикл?

– Что?

– Менструации у тебя регулярные?

Она хихикнула:

– Ничего себе!

– Отвечай на вопрос.

– Ну да, вроде регулярные.

– И последняя была две недели назад?

– Откуда вы это знаете? – удивилась она. Затем, тряхнув головой, пробормотала: – А, вам Роми сказал.

Роми, конечно, знал. Он всегда был в курсе, когда к его девочкам «приходили гости».

– Ты здорова, Молли?

Она сердито уставилась в зеркало:

– А что, по мне не скажешь?

– Заболеваний крови нет? Гепатита? ВИЧ-инфекции?

– Я чистая, вы ничего не подцепите, если это вас так беспокоит.

– Сифилис? Гонорея?

– Слушайте, – огрызнулась она. – Вы трахаться хотите или как?

Молчание. Затем голос тихо произнес:

– Разденься.

Это было уже кое-что. Этого она и ожидала.

Молли подошла к зеркалу – так близко, что от ее дыхания стекло тут же запотело. Он захочет увидеть все до мельчайших подробностей. Они всегда этого хотят. Она стала раздеваться – неторопливо, затягивая представление. Расстегнув блузку, она позволила себе больше ни о чем не думать, спрятаться в некое мысленное убежище, где не было места мужчинам. Она покачивала бедрами, словно танцуя под воображаемую мелодию. Блузка скользнула с плеч на пол. Сейчас Молли стояла с обнаженной грудью, от холода ее соски затвердели. Она закрыла глаза. Почему-то это помогало.

«Скорей бы уж, – думала она. – Перепихнуться с ним и свалить отсюда».

Расстегнутая юбчонка упала к ногам, Молли переступила через нее. Затем стянула трусики. Все это она проделала, не открывая глаз. Роми говорил, у нее красивое тело. И если она правильно будет им пользоваться, никто не обратит внимания на невзрачное лицо. Сейчас она и пыталась использовать свое тело, танцуя под музыку, которую слышала только она.

– Отлично, – сказал мужчина. – Можешь больше не танцевать.

Она открыла глаза и недоуменно уставилась в зеркало. Оттуда глядело ее отражение. Жидковатые каштановые волосы. Грудь маленькие, но вполне приметные. Мальчишеские узкие бедра. Танцуя с закрытыми глазами, она играла роль. Теперь же столкнулась лицом к лицу с собственным образом. С самой собой. Она непроизвольно скрестила руки, прикрывая нагую грудь.

– Иди к столу, – велел он.

– Что?

– К столу для осмотра. Ляг на него.

– Ладно. Если тебя это заводит.

– Меня это заводит.

У каждого свои заморочки. Она влезла на стол. Красновато-коричневый винил охлаждал голые ягодицы. Она легла и стала ждать, что будет дальше.

Дверь открылась, послышались шаги. Молли удивленно поглядела на человека, который подошел к изножью стола и склонился над ней. Он был одет во все зеленое, даже лица почти не было видно, только глаза – голубые, холодно-стальные. Они внимательно рассматривали ее поверх маски.

Молли встревоженно села.

– Ложись, – приказал он.

– Какого черта ты тут вытворяешь?

– Я сказал, ляг.

– Черт, я сваливаю...

Он схватил ее за руку. Только теперь она заметила, что на нем перчатки.

– Послушай, я не причиню тебе вреда, – сказал он; голос его смягчился, стал почти ласковым. – Разве ты не понимаешь? В этом и состоит моя фантазия.

– То есть – играть в доктора?

– Да.

– А я, стало быть, твоя пациентка?

– Да. Это тебя пугает?

Она сидела, раздумывая. Вспоминая все те причуды, которые приходилось терпеть по милости клиентов. И нынешняя, при таком раскладе, казалась относительно безобидной.

– Хорошо, – согласилась она, снова укладываясь.

Выдвинув упоры для ног, он сказал:

– Давай, Молли. Наверняка ты знаешь, куда деть ножки.

– Это так нужно?

– Я же доктор, забыла?

Она взглядела в закрытое маской лицо, гадая, что скрывает этот прямоугольник ткани. Наверняка это самый обыкновенный мужчина. Все они такие обыкновенные! И только их фантазии внушали ей отвращение. Пугали ее.

Она неохотно задрала ноги.

Он чем-то щелкнул под столом, и изножье опустилось чуть ниже. Теперь Молли лежала, широко разведя бедра, обнаженные ягодицы почти свешивались с края стола. Она много раз демонстрировала себя мужчинам, однако в этой позе было что-то страшно уязвимое. Да еще эти яркие лампы, которые светят прямо в промежность. И эта полная нагота на смотровом столе. И человек, чей пристальный взгляд с врачебной отчужденностью сосредоточен на самой интимной части ее тела.

Он обернул ленту на липучке вокруг ее лодыжки.

– Эй, – возмутилась она. – Не люблю, когда меня связывают.

– А я люблю, – промурлыкал он, закрепляя вторую ленту. – Люблю, когда девочки лежат вот так.

Она дернулась, когда он ввел обтянутые перчаткой пальцы в ее тело. Склонившись к ней и сосредоточенно прищурившись, он продвигал пальцы все глубже. Молли закрыла глаза и попыталась отвлечься, не думать о происходящем, однако эти ощущения трудно было игнорировать. Как будто грызун копался у нее внутри. Человек в маске положил одну руку поверх ее живота, в то время как пальцы другой продолжали двигаться внутри. Почему-то это казалось Молли худшим насилием, чем обычный половой акт, ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. «Ну что, придурок, заводит это тебя? – думала она. – Стоит уже? Когда ж ты начнешь-то наконец?»

Он вытащил руку. Молли облегченно обмякла. Открыв глаза, она увидела, что он больше не смотрит на нее. Его взгляд был направлен куда-то за пределы ее поля зрения. Человек кивнул.

Только тут она поняла, что в комнате есть еще кто-то.

Резиновая маска накрыла ее нос и рот. Молли хотела было вывернуться, но ее голова была прижата к столу. Она попыталась высвободить голову, отчаянно царапая края маски. Ее тут же схватили за руки и надежно привязали запястья к столу. Судорожным вдохом она втянула резко пахнущий газ, ощутив, как он обжигает гортань, и тут же зашла в приступ спазматического кашля. Молли снова попыталась скинуть маску, но та держалась крепко. Непроизвольно она сделала еще вдох. Она переставала чувствовать свои руки и ноги. Свет стал меркнуть; ярко-белое стало серым.

Черным.

Она услышала чей-то голос:

– А теперь бери кровь.

Но эти слова уже ничего для нее не значили. Совсем ничего.

– Ох ты господи! Что же ты тут наделала!

Голос принадлежал Роми – это все, что она смогла понять. Остальное, похоже, оставалось за пределами ее сознания. Где она? И где была?

Почему так болит голова и пересохло в горле?

– Ну же, Молли-Дуролли, открой глаза.

Она застонала. От собственного стоны у нее зазвенело в голове.

– Твою мать, открой глаза, Молли. Ты изгадила всю комнату.

Она перевернулась на спину. Сквозь прикрытые веки свет казался кроваво-красным. Она предприняла отчаянную попытку открыть глаза и поймать взглядом лицо Роми.

Его темные глаза смотрели на нее с отвращением. Напомаженные волосы были зачесаны назад и блестели на свету, как медный шлем. Софи тоже была здесь. Она стояла, скрестив руки поверх шарообразных грудей, на лице читалась легкая насмешка. Молли охватило еще большее отчаяние, когда она увидела Софи и Роми, стоявших бок о бок, словно давние любовники, которыми они когда-то были. А может, оставались до сих пор. Эта лошадиная морда, Софи, вечно торчит поблизости, стараясь оттереть Молли. А теперь она еще приперлась в ее комнату, куда не имела никакого права приходить.

Разозлившись, Молли попыталась сесть, однако в глазах потемнело, и она снова повалилась на кровать.

– Мне плохо, – пробормотала она.

– Тебе уже давно плохо, – уточнил Роми. – А теперь давай приведи себя в порядок. Софи тебе поможет.

– Я не хочу, чтобы она до меня дотрагивалась. Убери ее отсюда.

– Сдалась мне твоя халупа, плоскодонка! – фыркнула Софи и вышла.

Молли простионала:

– Роми, я не помню, что со мной произошло.

– Да ничего не произошло. Ты вернулась и пошла спать. И заблежала всю подушку.

Она еще раз попыталась сесть. Помогать ей он не стал, вообще не дотронулся. Еще бы, от нее такой ужасный запах. Он встал и направился к двери, предоставив ей самой возиться с грязным постельным бельем.

– Роми, – окликнула она.

– А?

– Как я сюда попала?

Он засмеялся:

– Офигеть! Здорово ты нахрюкалась, а? – Он вышел.

Молли долго сидела, спустив ноги с кровати, пытаясь восстановить события последних нескольких часов. Стараясь избавиться от остаточного головокружения.

Она помнила только, что был клиент. Человек в зеленом. Какая-то комната с огромным зеркалом. И там был стол.

Однако самого секса она не помнила. Возможно, она постаралась выкинуть его из головы. Возможно, это было так отвратительно, что она загнала это в подсознание, – такой способ защиты она успешно применяла с самого детства. Лишь иногда она позволяла обрывкам детских воспоминаний вернуться. Это были главным образом хорошие воспоминания, у нее имелось несколько таких – о ее детстве в Бофорте, и она могла по своему желанию вызывать их. Или подавлять – тоже по желанию.

Но что произошло сегодня днем – она вообще не могла вспомнить.

Боже, ну и воняет от нее! Она посмотрела на блузку – та была испачкана рвотой. Пуговицы были застегнуты неправильно, в промежутках виднелось голое тело.

Молли принялась раздеваться: скинула блузку, стянула мини-юбку и оставила их горкой лежать на полу. Нетвердым шагом добравшись до душа, она пустила воду.

Похолоднее. Ей нужен холод.

Под летящими из душа струйками в ее голове начало немного проясняться. При этом еще одно смутное воспоминание обрело четкость. Человек в зеленом нависает над ней. Разглядывает ее. И путы, охватившие ее запястья и лодыжки.

Она посмотрела на руки и увидела кольцеобразные следы, словно от наручников. Он привязал ее – не так уж необычно. Ох уж эти мужчины с их безумными забавами.

Затем ее взгляд остановился на другом синяке – на сгибе левой руки. Он был совсем бледный, она с трудом разглядела синеватый кружок. А в самом его центре, словно сердцевина мишени, виднелся след от укола.

Она попыталась вспомнить иглу, но не смогла. Все, что ей припоминалось, – человек в хирургической маске.

И еще стол.

Холодная вода стекала по ее плечам. Дрожащая Молли глядела на след от иглы, спрашивая себя, что же еще она забыла.

3

Из динамика на стене раздался голос медсестры:

– Доктор Харпер, срочно подойдите сюда.

Тоби Харпер очнулась, обнаружив, что заснула прямо у себя за столом, положив голову на стопку медицинских журналов. Она неохотно выпрямилась, щурясь от света настольной лампы. Латунные часы на столе показывали 4:49 утра. Неужели она и впрямь проспала почти сорок минут? Ей казалось, что она прилегла всего минуту назад. Строчки в журнальной статье, которую она читала, начали расплываться, и она подумала, что нужно дать глазам немного отдохнуть. Большого и не требовалось, всего лишь короткая передышка от скучного текста, набранного к тому же нестерпимо мелким шрифтом. Журнал все еще был открыт на той статье, в которой она пыталась разобраться; на смятой странице остался отпечаток щеки. «Рандомизированное контрольное исследование сравнения эффективности ламивудина и зидовудина в лечении ВИЧ-пациентов с количеством CD4 + клеток менее чем 500 на см³». Она закрыла журнал. Боже. Неудивительно, что она уснула.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула Модин. Отставной майор Модин Коллинз обладала громовым голосом, который никак не вязался с ее ростом в метр с кепкой и внешностью эльфа.

– Тоби! Ты что, уснула?

– Похоже, задремала. Что у вас там?

– Нарыв на ступне.

– В такое-то время?

– У пациента кончился колхицин, и он считает, что у него разыгралась подагра.

– Боже! – простонала Тоби. – Почему эти чокнутые пациенты так непредусмотрительны?

– Они принимают нас за дежурную аптеку. Слушай, мы пока оформляем его бумаги, так что можешь не торопиться.

– Я сейчас приду.

После ухода Модин Тоби потратила еще немного времени на то, чтобы окончательно проснуться. Ей хотелось вести себя более или менее разумно при разговоре с пациентом. Она поднялась из-за стола и подошла к раковине. Дежурство продолжалось уже десять часов, и до сих пор не произошло ничего особенного. Именно поэтому хорошо работать в тихом пригороде вроде Ньютона. Порой в отделении неотложной помощи больницы Спрингер подолгу не происходило ровным счетом ничего. В таких случаях Тоби могла прилечь на кушетке в ординаторской и вздремнуть, если бы захотелось. Она знала, что другие врачи на ночных дежурствах так и делали, но Тоби, как правило, сопротивлялась искушению. Ей платили за двенадцатичасовое ночное дежурство, и, по ее мнению, неэтично было бы проводить часть этого времени в бессознательном состоянии.

Вот тебе и этика, подумала она, разглядывая свое отражение. Тоби уснула на работе, и последствия тут же сказались на внешности: зеленые глаза припухли, журнальная страница оставила следы типографской краски на щеке. Дорогая стрижка, сделанная в салоне, растрепалась и походила больше на ошетилившегося белобрысого ежа. Вот оно, истинное лицо всегда аккуратной и элегантной Тоби Харпер – не такой уж на поверку и элегантной.

Тоби раздраженно повернула кран и принялась яростно тереть щеку, избавляясь от краски. Затем обрызгала волосы и пальцами зачесала их назад. К черту дорогую стрижку! По крайней мере, теперь Тоби больше не походит на перезрелый одуванчик. Вот с припухшими глазами и проявившимися от усталости морщинками ничего не сделаешь. Да, в тридцать восемь ночные бдения не проходят бесследно, не то что в двадцать пять, когда она студенткой засиживалась до утра за книжками.

Тоби вышла из кабинета и направилась вниз, в приемное отделение.

Там было пусто. Никто не сидел ни за стойкой регистратуры, ни в зале.

– Ау! – окликнула она.

– Доктор Харпер? – отозвался голос из переговорного устройства.

– Где все?

– Мы в ординаторской. Вы не могли бы сюда подойти?

– А как же пациент?

– У нас тут кое-какие трудности. Срочно зайдите сюда.

Трудности? Тоби не понравилось это слово. Ее пульс тут же подскочил до предела. Она бросилась в ординаторскую и распахнула дверь.

Ослепленная вспышкой фотоаппарата, она застыла на месте, и в тот же миг несколько голосов затянули:

– С днем рождения тебя! С днем рождения тебя...

Тоби подняла глаза и увидела красные и зеленые бумажные гирлянды, украшавшие комнату. А затем – торт, переливающийся огнями несметного количества свечей. Когда стихли последние ноты поздравительной песни, Тоби, спрятав лицо в ладони, простонала:

– Невероятно! А у меня совсем из головы вылетело.

– Зато у нас нет, – заметила Модин, снова щелкая своим фотоаппаратом. – Тебе же семнадцать, верно?

– Если бы. А что за шутник натянул такую прорву свечек?

Морти, лаборант, поднял короткую пухлую ручку:

– Ну, меня просто вовремя не остановили.

– Видишь ли, Морти хотелось проверить нашу противопожарную систему...

– На самом деле это тест на работоспособность легких, – сказала Вэл, другая медсестра. – И чтобы пройти его, Тоби, тебе надо задуть их с первого раза.

– А если я не смогу?

– Придется делать тебе интубацию!

– Давай, Тоби! Загадай желание! – распорядилась Модин. – Пусть он будет высоким, смуглым и красивым.

– В моем возрасте лучше довольствоваться маленьким, толстым и богатым.

Охранник Арло пропел тенорком:

– Эй, а у меня есть два из трех названных качеств!

– А еще у тебя есть жена, – одернула его Модин.

– Ну, Тоби! Загадай желание!

– Да, загадывай!

Тоби села перед тортом, остальные четверо столпились вокруг нее, хихикая и толкаясь, словно расшалившиеся дети. Они были ее второй семьей, их роднила не кровь, а годы совместной и очень непростой работы в неотложке. Арло прозвал их ночную смену «Отрядом нянечек». Модин, Вэл и госпожа доктор. И Бог в помощь мужику, который явится к ним с жалобой на урологические проблемы.

«Желание, – подумала Тоби. – Чего я хочу? С чего бы начать?» Она втянула побольше воздуха и дунула. Под взрыв аплодисментов все свечи погасли.

– Отлично! – похвалила Вэл и начала вытаскивать свечки.

Внезапно она взглянула в окно. Все непроизвольно посмотрели туда же.

Полицейская машина, мигая синим маячком, вкатила на парковку.

– У нас клиент, – заметила Модин.

– Что ж, – вздохнула Вэл, – девушкам пора поработать. А вы, мальчики, глядите не слопайте весь торт в наше отсутствие.

Арло наклонился к Морти и шепнул:

– Да ладно, девчонки все равно вечно на диете...

Тоби повела подчиненных в холл. Едва женщины подошли к стойке приемной, как автоматические двери отделения неотложной помощи разъехались.

На пороге возник молоденький полицейский.

– Эй, мы тут подобрали одного старикана, он у нас в машине. Слонялся по парку. Не хотите взглянуть на него, дорогие дамы?

Тоби последовала за полицейским на парковку.

– Он ранен?

– Вроде нет. Но явно не в себе. Алкоголь я не унюхал, так что, думаю, это «алцгеймер».

Или диабетический шок.

«Отлично, – подумала Тоби. – Полицейский, который возомнил себя врачом».

– Он в сознании?

– Да. Он там, на заднем сиденье.

Полицейский открыл заднюю дверь патрульной машины.

Совершенно голый человек с тонкими ручками и ножками сидел, сжавшись в комок и мотая лысой головой из стороны в сторону. Он что-то бормотал себе под нос, Тоби не смогла разобрать слова. Что-то вроде «пора ложиться спать».

– Нашли его на скамейке в парке, – сообщил второй полицейский, который выглядел еще моложе своего партнера. – Тогда на нем было белье, но он снял его в машине. Остальную одежду мы нашли в парке, она на переднем сиденье.

– Хорошо, давайте отвезем его в помещение. – Тоби кивнула Вэл; та уже стояла с креслом на колесах.

– Давай, приятель, – подбодрил мужчину полицейский, – эти милые дамы о тебе позаботятся.

Но тот, еще крепче обхватив себя руками, принялся раскачиваться на своей худосочной попе.

– Не могу найти пижаму...

– Мы дадим вам пижаму, – пообещала Тоби. – Вы пойдете с нами внутрь, сэр. Мы подвезем вас на этом кресле.

Старик медленно повернулся и уставился на нее:

– Но я вас не знаю.

– Я доктор Харпер. Давайте-ка я помогу вам выйти из машины.

Она протянула ему руку.

Он воззрился на ее ладонь так, словно никогда не видел ничего подобного. Но в конце концов тоже потянулся к ней. Тоби обхватила его за талию и помогла вылезти из машины. Ощущение было такое, словно тащишь вязанку хвороста. Вэл подскочила с креслом – очень вовремя, поскольку ноги у мужчины начали подкашиваться. Его усадили в кресло, поместив голые ступни на специальную подставку. Вэл покатила его в приемный покой. Тоби вместе с одним из юных пухлощеких полицейских последовала за ними.

– Что-нибудь о нем известно?

– Нет, мэм. Он ничего нам не сообщил. Но непохоже, что он причинил себе какой-то вред, ничего такого.

– У него есть хоть какое-нибудь удостоверение личности?

– В кармане брюк лежит бумажник.

– Хорошо, нам нужно связаться с кем-нибудь из его ближайших родственников и выяснить, какие у него проблемы со здоровьем.

– Я принесу из машины его вещи.

Тоби прошла в смотровой кабинет.

Модин и Вэл, уже разместившие пациента на каталке, пристегивали его запястья ремнями к боковинам. Он все еще бормотал что-то про свою пижаму и делал неуверенные попытки сесть. Он по-прежнему был голым, если не считать простыни, аккуратно прикрывавшей его бедра. От холода его грудь и руки время от времени покрывались мурашками.

– Он говорит, его зовут Гарри, – сообщила Модин, оберывая манжету тонометра вокруг руки старика. – Обручального кольца нет. Явных синяков тоже. Судя по запаху, ему пора помыться.

– Гарри, – обратилась к нему Тоби, – вы не пострадали? У вас болит что-нибудь?

– Выключите свет. Я хочу спать.

– Гарри...

– Я не могу спать при этом чертовом свете.

– Давление сто пятьдесят на восемьдесят, – сказала Модин. – Пульс сто, ровный. – Она достала электронный термометр. – Давай-ка, милый. Положим это в ротик.

– Я не голоден.

– А это не едят, дорогой. Нам нужно измерить температуру.

Тоби не стала подходить ближе и несколько секунд разглядывала мужчину со стороны. Он мог двигать всеми четырьмя конечностями; несмотря на худобу, отличался сухой и жилистой мускулатурой, так что, похоже, не голодал. Его гигиеническое состояние – вот что не нравилось Тоби. Щеки старика покрывала по крайней мере недельная седая щетина, под нестриженными ногтями чернела грязь. И Модин была права насчет запаха. Гарри действительно следовало помыться.

Электронный термометр пискнул, Модин вытащила его изо рта мужчины, посмотрела на датчик и нахмурилась.

– Тридцать семь и девять. Ты нормально себя чувствуешь, милоч?

– Где моя пижама?

– Ух ты, тебя и вправду заело.

Посветив фонариком пациенту в рот, Тоби увидела золотые коронки, их было пять. Взглянув на зубы пациента, многое можно сказать о социально-экономическом статусе человека. Пломбы и золотые коронки – средний класс и выше. Гнилые зубы и плохие десны выдают владельца пустого банковского счета. Либо того, кто смертельно боится зубного. В его дыхании не ощущалось ни алкоголя, ни фруктового запаха, свидетельствующего о диабетическом кетозе.

Осмотр она начала с головы. Ощупав череп, Тоби не обнаружила ни явных трещин, ни шишек. С помощью фонарика проверила реакцию зрачков – все в норме. То же самое можно было сказать о движениях глаз и рвотном рефлекс. Судя по всему, черепные нервы не задеты.

– Шли бы вы отсюда, – сказал он. – Я спать хочу.

– Вы ничего не повредили, Гарри?

– Не могу найти свою чертову пижаму. Вы ее взяли?

Тоби посмотрела на Модин:

– Так, давайте возьмем кровь. На общий анализ, на электролиты, на сахар. Нужно подготовить еще несколько пробирок с красной пробкой для биохимии и токсикологии. А еще нам нужно собрать мочу – видимо, при помощи катетера.

– Есть. – Модин уже держала наготове жгут и шприц.

Вэл придержала руку Гарри, чтобы та взяла кровь. Пациент, казалось, и не заметил, что ему вводят иглу.

– Все в порядке, дорогой, – сказала Модин, заклеивая место укола пластырем. – Ты очень хороший пациент.

– Вы не знаете, куда я положил свою пижаму?

– Я выдам тебе новую, прямо сейчас, подожди минутку. – Модин собрала пробирки. – Я отправлю их с пометкой «Джон Доу».

– Его зовут Гарри Слоткин, – сообщил один из полицейских. Он успел сходить к патрульной машине и теперь стоял в дверях, держа в руках брюки пациента. – Проверил его бумажник. Судя по паспорту, ему семьдесят два, живет на Титвиллоу-лейн, дом сто девятнадцать. Это дальше по шоссе, в Брэнт-Хилле, в том новом районе.

– Ближайшие родственники?

– Здесь есть телефон для экстренных случаев. Некто по имени Дэниел Слоткин. Номер бостонский.

– Я позвоню ему, – предложила Вэл и вышла из комнаты, задернув за собой штору.

Тоби осталась с пациентом. Она продолжила осмотр. Послушала сердце и легкие старика, прощупала брюшную полость и сухожилия. Она постукивала, тыкала и нажимала – ничего особенного не обнаруживалось. Возможно, это просто «альцгеймер», подумала она, отходя на шаг, чтобы как следует разглядеть пациента. Она слишком хорошо знала признаки этой болезни: нарушение памяти, ночные блуждания. Личность распадается, частичка за частичкой. Темнота губительна для этих больных. Стоит дневному свету померкнуть, они теряют зрительный контакт с окружающим миром. Возможно, Гарри Слоткин тоже стал жертвой сумерек: ночные психозы – обычное дело для страдающих «альцгеймером».

Тоби взяла обычный регистрационный бланк и начала писать, используя стандартные медицинские сокращения: ОПС – основные показатели стабильны; ЗОКР – зрачки одинаковые, круглые, реагируют на свет.

– Тоби! – позвала Вэл из-за шторы. – Я дозвонилась сыну господина Слоткина, он на линии.

– Иду, – отозвалась Тоби.

Она повернулась, чтобы отодвинуть занавеску. Тоби не знала, что по другую сторону от шторы стоит мобильный реанимационный набор. Она задела поднос; стальная кювета с грохотом упала на пол.

Тоби нагнулась, чтобы ее поднять, и в этот момент услышала за спиной другой звук – странное ритмичное постукивание. Она посмотрела на каталку.

У Гарри Слоткина подергивалась правая нога.

«У него припадок?»

– Господин Слоткин! – позвала Тоби. – Посмотрите на меня. Гарри, посмотрите на меня!

Взгляд мужчины сосредоточился на ее лице. Он все еще был в сознании, все еще мог реагировать на ее указания. Губы его двигались, складывая слова, но никаких звуков слышно не было.

Внезапно подергивание прекратилось, теперь нога лежала спокойно.

– Гарри!

– Я так устал, – пожаловался он.

– Что это было, Гарри? Вы пытались пошевелить ногой?

Он закрыл глаза и вздохнул:

– Погасите свет.

Тоби хмуро поглядела на пациента. Так что же это было – припадок? Или попытка высвободить привязанную лодыжку? Сейчас он выглядел совершенно спокойным, обе ноги лежали неподвижно.

Доктор отодвинула штору и подошла к сестринскому посту.

– Его сын на третьей линии, – сообщила Вэл.

Тоби взяла трубку:

– Алло! Господин Слоткин? Это доктор Харпер из больницы Спрингер. Вашего отца только что привезли к нам в отделение неотложной помощи. Похоже, он не пострадал, однако...

– Что с ним?

Тоби умолкла, озадаченная резкостью в голосе Дэниела Слоткина. Что это, раздражение? Или страх?

Она спокойно ответила:

– Полиция нашла его в парке и привезла сюда. Он взволнован и растерян. Никаких очаговых неврологических проблем я не нахожу. Он не страдал болезнью Альцгеймера или какими-то другими заболеваниями?

– Нет. Нет, он никогда не болел.

– И слабоумия у него тоже не было?

– Отец сообщает лучше меня.

– Когда вы в последний раз видели его?

– Не знаю. Несколько месяцев назад, наверное.

Тоби выслушала это молча. Дэниел Слоткин проживает в Бостоне, то есть менее чем в сорока километрах отсюда. Не то расстояние, которым можно было бы объяснить нерегулярность встреч отца и сына.

Словно почувствовав ее незадачный вопрос, Дэниел Слоткин добавил:

– У моего отца очень насыщенная жизнь. Гольф. Ежедневный покер в местном клубе. Нам не всегда удается выбрать время для встречи.

– И несколько месяцев назад он был в ясном рассудке?

– Можно сказать и так. Когда я в последний раз виделся с отцом, он прочитал мне лекцию по инвестиционной стратегии. Все, от фондовых опционов до цен на сою. Даже для моей головы это чересчур.

– Он принимал лекарства?

– Насколько я знаю, нет.

– Вам известно имя его врача?

– Он посещал специалиста в частной клинике, что находится в Брэнт-Хилле, где он и живет. По-моему, фамилия доктора Валленберг. Послушайте, и насколько же не в себе мой отец?

– Полиция нашла его на скамейке в парке. Он снял с себя всю одежду.

Последовало долгое молчание.

– Боже.

– Я не вижу никаких внешних повреждений. Раз вы говорите, что слабоумия у него не было, значит мы имеем дело с чем-то другим. Возможно, с микроинсультом. Или какие-то проблемы с обменом веществ.

– С обменом веществ?

– Например, повышенный уровень сахара в крови. Или пониженный уровень натрия. Оба эти фактора могут вызвать расстройство сознания.

Она услышала, как человек на том конце провода глубоко вздохнул. В этом звуке чувствовалась усталость. И возможно, разочарование. Пять часов утра. Разбуди любого в такое время да такими новостями – что ж удивляться утомленному тону.

– Было бы хорошо, если бы вы смогли приехать, – сказала Тоби. – Возможно, знакомое лицо его успокоит.

Молчание.

– Господин Слоткин!

– Видимо, придется, – вздохнул он.

– Если кто-то другой из членов семьи может это сделать...

– Больше никого нет. В любом случае он будет ожидать, что я появлюсь. Чтобы убедиться, что все делается правильно.

Тоби повесила трубку. В последних словах Дэниела Слоткина ей почудилась некая угроза: «Убедиться, что все делается правильно». А почему, интересно, она должна была что-то сделать неправильно?

Она снова сняла трубку и, набрав номер клиники в Брэнт-Хилле, оставила сообщение, что их пациент Гарри Слоткин находится в отделении неотложной помощи с расстройством сознания. Затем она позвонила на пейджер технику-лаборанту рентгенкабинета.

Через минуту тот перезвонил из дома, его сонный голос звучал неуверенно:

– Это Винс. Вызывали?

– Это доктор Харпер из неотложки. Нужно, чтобы ты пришел и немедленно сделал компьютерную томографию.

– Как зовут пациента?

– Гарри Слоткин. Мужчина, семьдесят два года, с острым расстройством сознания.

– Хорошо, буду через десять минут.

Тоби повесила трубку и уставилась на свои записи. «Что я просмотрела? – размышляла она. – Что еще мне надо проверить?» Она мысленно перебрала причины, которые могли бы вызвать приступ слабоумия. Инсульты. Опухоли. Внутречерепные кровотечения. Инфекции.

Она еще раз взглянула на основные показатели. Модин записала оральную температуру 37,9. Жара нет, но все-таки выше нормы. Ему нужно будет сделать пункцию спинного мозга, но уже после томографии. Если там какое-то новообразование, пункция может привести к катастрофическому скачку внутричерепного давления.

Вой сирены заставил ее оторвать глаза от записей.

– Что еще? – сказала Модин.

Тоби вскочила и уже ждала у входа, когда, продолжая истошно завывать, подкатила «скорая».

– У нас тут экстренная! – закричал водитель.

Все рванули выгружать носилки. Тоби бросила взгляд на тучную женщину: ее лицо было бледным, рот полуоткрыт; эндотрахеальная трубка уже была закреплена на месте.

– У нее по дороге упало давление... Мы подумали, что лучше заскочить сюда, чем ехать дальше в Ханеман...

– Что с ней? – рывкнула Тоби.

– Нашли на полу. Инфаркт шесть недель назад. Муж сказал, она принимает дигоксин...

Они поспешно вкатили пациентку в отделение. Водитель неловко продолжал давить ей на грудь, что было очень неудобно на ходу. Наконец свернули в травмпункт. Вэл шлепнула по выключателю. Слепящий верхний свет залил все вокруг.

– Так, все тут? Беремся... Она большая. Осторожно с капельницей! Раз, два, три, взяли!

Одним плавным движением четыре пары рук переложили пациентку с каталки на стол. Никому не надо было говорить, что делать. Несмотря на кажущуюся неразбериху экстренной ситуации, в хаосе был свой порядок. Водитель снова начал непрямой массаж сердца. Второй фельдшер продолжал качать в легкие кислород. Модин и Вэл сустились вокруг стола, размазывая трубки капельниц и подсоединяя провода электрокардиографа к кардиомонитору.

– У нас синусовый ритм, – сообщила Тоби, взглянув на экран. – На секунду остановите компрессию.

Водитель перестал жать на грудную клетку.

– Пульс едва прощупывается, – сказала Вэл.

– Увеличь напор в капельнице, – велела Тоби. – Давление есть?

Вэл перевела взгляд с манжеты:

– Пятьдесят на ноль. Допамин капать?

– Неси. Возобновите компрессию.

Водитель положил скрещенные ладони на грудину и снова начал ритмичные надавливания. Модин метнулась к столику с набором инструментов для неотложной помощи и вытащила шприцы и ампулы.

Тоби шлепнула стетоскоп на грудь пациентки и прослушала область сначала правого легкого, затем левого. С обеих сторон улавливались отдаленные звуки дыхания. Это означало, что трубка стоит правильно и воздух в легкие поступает.

– Приостановите надавливания, – попросила она и передвинула стетоскоп к сердцу.

Удары были еле слышны.

В очередной раз глянув на монитор, она увидела учащенный синусовый ритм. Электрическая система сердца не нарушена. Почему же у нее нет пульса? Либо у пациентки шок от кровопотери, либо...

Тоби внимательно посмотрела на шею, и ответ стал для нее очевиден. Из-за тучности не сразу заметно, что шейные вены женщины вздуты.

– Вы сказали, у нее был инфаркт шесть недель назад? – уточнила Тоби.

– Да, – отозвался водитель, возобновляя надавливания на грудную клетку. – Так сказал ее муж.

– Какие-то еще препараты, кроме дигоксина, она принимала?

– На ее прикроватной тумбочке стоял большой пузырек с аспирином. Думаю, у нее арит.

«Вот оно что», – подумала Тоби.

– Модин, дай мне пятидесятикубовый шприц и иглу для пункции перикарда.

– Есть!

– И кинь мне перчатки и салфетку с бетадином!

В ее сторону полетел пакет. Она поймала его в воздухе и надорвала.

– Прекратите надавливания, – велела она.

Водитель отступил назад.

Тоби поспешно обтерла кожу бетадином, натянула перчатки и взяла шприц. Затем еще раз бросила взгляд на монитор. Там по-прежнему наблюдался учащенный синусовый ритм. Она сделала глубокий вдох.

– Ладно. Посмотрим, поможет ли это...

Используя костистый выступ мечевидного отростка в качестве ориентира, она пронзила кожу и направила иглу к сердцу. Медленно продвигая иглу, Тоби чувствовала, как бухает ее собственное сердце. И в это же время она потянула назад поршень, создавая небольшое отрицательное давление.

Кровь хлынула в шприц.

Она застыла на месте. Руки были абсолютно тверды. «Боже, только бы игла оказалась в нужном месте!» Она продолжила выдвигать поршень, постепенно закачивая кровь в шприц. Двадцать кубиков. Тридцать. Тридцать пять...

– Давление! – выкрикнула она и услышала быстрое «шших, шших» заполняемой манжеты.

– Есть! Измеряю! – воскликнула Вэл. – Восемьдесят на пятьдесят!

– Мне кажется, теперь все понятно, – заметила Тоби. – Нам нужен хирург. Модин, свяжись с доктором Кэри. Скажи ему, у нас перикардальная тампонада.

– Из-за инфаркта? – поинтересовался шофер «скорой».

– Плюс большая доза аспирина, что усугубляет кровотечение. У нее, возможно, разрыв миокарда.

Окруженное кровью в тесной сумке перикарда, сердце не может расширяться. Не может качать кровь.

Шприц наполнился. Тоби вытащила иглу.

– Давление выросло до девяноста пяти, – сообщила Вэл.

Модин положила трубку висевшего на стене телефона.

– Доктор Кэри едет. Его бригада тоже. Он велел держать ее в стабильном состоянии.

– Легко сказать, трудно сделать, – пробормотала Тоби, прощупывая пульс. Он определялся, но был нитевидным. – У нее опять накапливается кровь. Мне понадобятся еще один шприц и игла, и побыстрее. Мы можем определить ее группу и найти для нее донорскую кровь? А заодно прямо сейчас сделаем анализ крови – общий и электролиты.

Модин протянула ей пригоршню пробирок.

– Восемь?

– Как минимум. Цельную кровь, если сможем раздобыть. И пришли сюда свежей замороженной плазмы.

– Давление упало до восьмидесяти пяти, – сказала Вэл.

– Черт! Придется это повторить.

Тоби разорвала новую упаковку со шприцем и отшвырнула обертку. Пол уже был усыпан обрывками бумаги и пластика, как обычно и происходило в экстренных случаях. «Сколько раз мне придется это повторять? – подумала она, нацеливая иглу. – Припирайся быстрее, Кэри. Я не могу спасти эту женщину в одиночку...»

Однако Тоби не была уверена, что они вместе смогут ее спасти. Если уж у нее действительно дыра в стенке желудочка, ей потребуется не просто торакальный хирург, а целая операционная бригада и шунтирование. Спрингер – небольшая пригородная больница, способная справляться с кесаревым сечением или простым удалением желчного пузыря, но не оборудованная для серьезных хирургических операций. Бригады «скорой помощи» обычно везут пострадавших с тяжелыми травмами не сюда, а дальше, в более крупные медицинские центры вроде больницы Бригема или Массачусетской больницы общего профиля.

Тем не менее этим утром «скорая», не подумав, доставила женщину в критическом состоянии прямо к дверям Тоби. А у нее для спасения жизни этой пациентки нет ни подготовки, ни персонала.

Второй шприц уже был полон крови. Еще пятьдесят кубиков – а она все не сворачивается.

– Давление снова падает, – сообщила Вэл. – Восемьдесят...

– Док, у нее вентрикулярная тахикардия! – встрял один из фельдшеров.

Тоби кинула взгляд на монитор. Ритм распался на зазубренный узор, характерный для фибрилляции желудочков. Работали только две из четырех камер сердца, но так быстро, что не справлялись с задачей.

– Дефибриллятор сюда! – гаркнула Тоби. – Начнем с трехсот джоулей.

Модин включила прибор. Стрелка устремилась к тремстам ватт-секунд.

Тоби приложила электроды к груди пациентки. Гелевое покрытие обеспечивало лучший электрический контакт с кожей. Она установила разрядные электроды.

– Назад! – велела она и нажала кнопку.

Пациентку встряхнуло, все мускулы одновременно дернулись, когда разряд тока прошел ее тело.

Тоби посмотрела на монитор:

– Так, мы опять в синусе...

– Пульса нет. Я не нахожу пульс, – сказала Вэл.

– Возобновите реанимацию! – приказала Тоби. – И дайте мне новый шприц.

Однако, уже открывая пакет и вытаскивая иглу для пункции перикарда, Тоби знала, что они проигрывают эту битву. Можно откачивать кровь литрами, но она все равно наберется и будет давить на сердце. «Просто продержи ее до прихода хирурга. – Тоби повторяла это про себя, словно мантру. – Продержи ее. Продержи...»

– Опять вентрикулярная тахикардия! – воскликнула Вэл.

– Разряд на триста. И болюс лидокаина...

Зазвонил настенный телефон. Модин сняла трубку. Через несколько секунд обратилась к остальным:

– У Морти проблемы с подбором донорской крови по образцу, который я ему отправила! У пациентки третья группа с отрицательным резусом!

«Черт. Только этого еще не хватало!»

Тоби снова приложила электроды.

– Отойдите!

Снова тело женщины дернулось. И снова учащенный синусовый ритм.

– Есть пульс, – сообщила Вэл.

– Вводи лидокаин прямо сейчас. Где у нас мороженная плазма?

– Морти работает над этим, – сказала Модин.

Тоби посмотрела на циферблат. Они занимаются этой пациенткой около двадцати минут, а показалось – несколько часов. В окружающей суматохе, когда звонит телефон и все говорят разом, доктора Харпер внезапно охватила растерянность. Руки в перчатках взмокли, резина прилипла к коже. Ей не удавалось контролировать экстренную ситуацию...

«Контроль» – вот слово, которым жила Тоби. Она всеми силами стремилась к порядку и в своей жизни, и в своей работе. И вот теперь команда, которой она руководит, не справляется с задачей, и Тоби ничего не может поделать. Она не обучена взламывать грудную клетку и зашивать поврежденные стенки желудочков.

Тоби взглянула на лицо женщины. Оно было в пятнах, отвисшие щеки побагровели. Она знала, что сейчас клеткам мозга пациентки уже не хватает питания, они голодают. И умирают.

Водитель «скорой», измученный непрерывным массажем сердца, поменялся местами с напарником. Свежая пара рук продолжила работу.

Линия на мониторе распалась на неровные беспорядочные зубцы. Фибрилляция желудочков. Смертельный ритм.

Бригада действовала по обычному плану. Новые дозы противоаритмических препаратов. Лидокаин. Бретилий. Все более сильные разряды тока. В отчаянии Тоби выкачала еще пятьдесят кубиков крови из перикарда.

Линия на мониторе сплющилась до извилистой полоски.

Тоби поглядела на остальных. Все понимали, что это конец.

– Ладно, – обессиленно выдохнула Тоби, и ее голос прозвучал утраченно спокойно. – Хватит. Который час?

– Шесть одиннадцать, – отозвалась Модин.

«Мы продержали ее сорок пять минут, – подумала Тоби. – Большого мы сделать не могли. Никто бы не смог».

Фельдшеры «скорой» отступили назад. То же сделали и остальные. Это физическое отступление и несколько секунд почтительной тишины последовали почти рефлекторно.

Дверь распахнулась, и доктор Кэри, торакальный хирург, продемонстрировал свой традиционный театральный выход.

– Где тампонада? – гаркнул он.

– Она только что скончалась, – сообщила Тоби.

– Что? Вы ее не стабилизировали?

– Мы пытались. Но не смогли ее удержать.

– Ну и как долго вы ее тянули?

– Поверьте, – сказала Тоби. – Достаточно долго.

Она протиснулась мимо хирурга и вышла из помещения.

Тоби подседа к столу дежурной медсестры и, прежде чем заполнять бумаги, попыталась собраться с мыслями. Из травмпункта до нее доносились стенания доктора Кэри. Его, видите ли, вытащили из постели в полшестого утра, и ради чего? Ради пациентки, которую невозможно было стабилизировать? А подумать нельзя было, прежде чем нарушать его сон? Им что, неизвестно, что ему придется целый день проработать в операционной?

«И почему хирурги такие скоты?» – подумала Тоби, роняя голову на руки. Боже, неужели эта ночь никогда не кончится? Ей нужно продержаться еще час...

Несмотря на застилающую мозг усталость, она услышала, как распахнулись двери отделения.

– Извините, – послышался голос. – Я бы хотел видеть своего отца.

Тоби посмотрела на человека с узким неулыбчивым лицом, который разглядывал ее, кривя рот, словно съел что-то горькое. Она поднялась со стула.

– Вы господин Слоткин?

– Да.

– Я доктор Тоби Харпер. – Она протянула руку.

Он пожал ее автоматически, без всякой сердечности. Даже кожа у него была холодной. Дэниел был по меньшей мере на тридцать лет моложе своего отца, но сходство с Гарри Слоткином бросалось в глаза. Те же острые черты лица, узкие, резко очерченные брови. Но глаза у этого человека были другие – маленькие, темные и унылые.

– Мы еще не закончили обследование вашего отца, – сказала она. – Я пока не получила результаты анализов из лаборатории.

Он оглядел отделение и нетерпеливо вздохнул:

– Мне нужно вернуться в город к восьми. Могу я видеть его прямо сейчас?

– Конечно. – Она вышла из-за стола и повела его в палату Гарри Слоткина. Но, толкнув дверь, увидела, что там пусто. – Должно быть, его забрали на рентген. Я сейчас позвоню и узнаю, закончили с ним или нет.

Слоткин следом за ней подошел к столу и остановился, наблюдая, как она снимает трубку. Под его взглядом было неуютно. Тоби отвернулась и набрала номер.

– Рентген, – отозвался Винс.

– Это доктор Харпер. Как сканирование?

– Еще не делали. Только готовлю оборудование.

– Приехал сын пациента и хочет видеть его. Я направлю к тебе.

– А пациента здесь нет.

– Как?

– Я не забирал его. Он все еще в отделении.

– Я только что была в его палате. Его там... – Тоби осеклась.

Дэниел Слоткин стоял рядом и слышал тревогу в ее голосе.

– Какие-то проблемы? – спросил Винс.

– Нет, никаких проблем.

Тоби повесила трубку и посмотрела на Слоткина.

– Извините, – сказала она и направилась по коридору в смотровой кабинет № 3.

Гарри Слоткина там не было. Но каталка все еще стояла там, и простыня, которой его прикрывали, была смята и валялась на полу.

«Кто-то переложил его на другую каталку и перевез в другое помещение».

Тоби прошла к четвертому кабинету и отдернула штору. Никаких следов.

Направляясь по коридору к кабинету № 2, она чувствовала, как колотится сердце. Свет был погашен. Никто не оставил бы пациента в темной комнате. Тем не менее она шелкнула выключателем.

Еще одна пустая каталка.

– Вы что, не знаете, куда положили моего отца? – рявкнул Слоткин, выходя за ней в коридор.

Нарочито не обращая внимания на его вопрос, она зашла в травмпункт и задернула за собой шторы.

– Где господин Слоткин? – шепотом спросила она сестру.

– Старичок этот? – переспросила Модин. – А разве Винс не забрал его на рентген?

– Он сказал, нет. Но я не могу его найти. А тут его сын.

– А ты в третьей смотрела?

– Я везде смотрела!

Модин и Вэл переглянулись.

– Надо проверить все коридоры, – сказала Модин, и они с Вэл выскочили за дверь, оставив Тоби разбираться с сыном.

– Где он? – потребовал ответа Слоткин.

– Мы пытаемся установить.

– Я думал, он здесь, в вашей неотложке.

– Должно быть, вышла какая-то путаница...

– Так здесь он или нет?

– Господин Слоткин, почему бы вам не присесть в комнате ожидания, я принесу чашечку кофе...

– Не надо мне кофе. Мой отец в критическом состоянии, а вы не можете его найти?

– Сестры проверяют рентгенкабинет.

– Мне казалось, вы только что звонили туда!

– Будьте добры, присядьте, и мы точно выясним, что... – Тоби смолкла, увидев, как медсестры торопливо направляются к ней.

– Мы позвали Морти. Они с Арло смотрят на стоянке.

– Вы не нашли его?

– Он не мог уйти далеко.

Тоби почувствовала, как кровь отхлынула от щек. Она боялась посмотреть на Дэниела Слоткина, встретиться с ним взглядом. Но не могла отгородиться от его ярости.

– Что здесь у вас происходит? – возмутился он.

Обе медсестры молчали. И обе смотрели на Тоби. Они знали, что капитан корабля в отделении неотложной помощи – доктор. На ее плечах лежит вся ответственность. И вся вина.

– Где мой отец?

Тоби медленно повернулась к Дэниелу Слоткину. Ее ответ прозвучал едва слышно:

– Я не знаю.

Было темно, у него болели ноги, и он знал, что нужно домой. Трудность в том, что он не помнил, как туда попасть. Гарри Слоткин даже не мог вспомнить, как забрел на эту пустынную улицу. Он уже подумывал остановиться у одного из тех домов, что попадались ему по пути, и попросить помощи, но во всех окнах было темно. Постучи он в одну из этих дверей с просьбой о помощи, начнутся расспросы и яркий свет, и почти наверняка ему придется унижаться. Гарри был человеком гордым. Он не из тех, кому требуется помощь. Не стремился помогать и он сам – даже собственному сыну. Он всегда считал, что благотворительность по большому счету портит людей, и не хотел, чтобы его отпрыск рос ущербным. «Сила в независимости. Независимость и есть сила».

Он как-нибудь сам доберется домой.

Появился бы снова тот ангел!

Она пришла к нему в том жутком месте, где его уложили на холодный стол и ослепили ярким светом, и чужие люди кололи его иглами и буравили пальцами. А потом явился ангел.

Она не причиняла ему боль. Наоборот, она улыbnулась, отвязывая руки и ноги, а потом прошептала: «Иди, Гарри, иди, пока они не вернулись!»

Теперь он свободен. Сбежал – вот молодец!

Он все шел по улице вдоль темных молчаливых домов, ища хоть какие-нибудь ориентиры. Что-нибудь, что подскажет, где он.

«Я, должно быть, заблудился, – думал Гарри. – Вышел погулять и сбился с пути».

Внезапная боль пронзила его ногу. Он посмотрел вниз и замер от изумления.

В свете фонаря он увидел, что на нем нет туфель. И носков тоже нет. Он уставился на свои голые ступни. Голые ноги. Пенис, съжившийся и бесконечно жалкий.

«На мне нет никакой одежды!»

Он в ужасе оглянулся, опасаясь, что на него кто-нибудь смотрит. Улица была пуста.

Сложив ладони чашечкой, он прикрыл гениталии и поспешил убраться из-под фонаря. Где он оставил одежду? Он не мог вспомнить. Гарри присел на корточки на холодной стриженной лужайке перед одним из домов и попытался собраться с мыслями, однако паника смешала все предшествующие впечатления ночи. Раскачиваясь взад-вперед, он захныкал, бормоча и вздыхая.

«Я хочу домой. Если бы я только мог проснуться в собственной постели...»

Он обхватил себя руками и настолько погрузился в отчаяние, что не обратил внимания на показавшийся из-за поворота свет фар. Лишь когда прямо возле него затормозил фургон, Гарри понял: его заметили. Он еще плотнее сжал руки, превратившись в дрожащий комок.

Голос мягко позвал из темноты:

– Гарри!

Он не поднял голову. Он боялся разжать руки, боялся открыть свою унижительную наготу. Попытался съежиться еще больше, превратиться в маленький клубок.

– Гарри, я приехал, чтобы забрать тебя домой.

Он медленно поднял голову. В темноте лица водителя видно не было, но голос был знакомым. По крайней мере, казался.

– Садись в машину, Гарри.

Он продолжал раскачиваться, сидя на корточках и чувствуя, как мокрая трава щекошет голые ягодицы.

Голос взлетел до тонкого всхлипа:

– Но я совсем без одежды!

– Твоя одежда дома. Целый шкаф с костюмами. Помнишь?

Послышался негромкий звук, словно металл звякнул о металл.

Гарри поднял глаза и увидел, что дверь фургона открыта. В проеме чернела тьма. Рядом с автомобилем был виден силуэт. Мужчина вытянул руку, словно приглашая старика.

– Давай, Гарри, – шепнул он. – Поехали домой.

4

«Трудно ли найти голого человека?»

Тоби сидела в своей машине и, шурясь, осматривала больничную парковку. Утро было в самом разгаре, и солнечные лучи казались ее утомленным бессонной ночью глазам нестерпимо яркими. И когда только солнце успело подняться? Тоби не заметила, как оно взошло, и дневной свет оказался неожиданностью для ее сетчатки. Вот что получается, когда работаешь по ночам. Сама превращаешься в порождение ночи.

Она вздохнула и завела мотор «мерседеса». В конце концов, пора домой, пора освободиться от кошмаров этой ночи.

Однако, отъехав от больницы Спрингер, ей не удалось стряхнуть мрачное настроение. Всего за час она потеряла двух пациентов. Тоби была уверена, что смерти женщины избежать не удалось бы, она все равно не смогла бы спасти ее.

Гарри Слоткин – другое дело. Тоби оставила помешанного пациента без присмотра почти на час. Она была последним человеком, видевшим Гарри, и, несмотря на все усилия, не могла вспомнить, привязала она его запястья перед уходом из палаты или нет.

«Вероятно, я оставила его непривязанным. Это единственное объяснение его побега. Это я виновата. Гарри – моя ошибка».

Но даже если не ее, она капитан команды и должна отвечать за все. И вот теперь голый обезумевший старик бродит неизвестно где.

Она сбросила скорость. Зная, что полиция уже прочесала окрестности, она все же внимательно осматривала улицы в надежде хоть мельком увидеть беглого пациента. Ньютон – относительно безопасный пригород Бостона, и улицы, по которым она сейчас колесила, выглядели зажиточно и респектабельно. Она свернула на аллею и увидела аккуратные дома, подстриженные изгороди, дорожки за железными калитками. В таких местах вряд ли кто нападет на пожилого человека. Возможно, кто-нибудь уже приютил его. Наверное, в этот момент Гарри сидит в чьей-нибудь уютной кухне и его угощают завтраком.

«Где вы, Гарри?»

Она обогнула квартал, пытаясь увидеть эти места глазами Гарри. Ему было холодно без одежды, а темнота сбивала с толку. Куда бы он мог пойти?

«Домой. Он бы попытался добраться домой, в Брэнт-Хилл».

Ей пришлось дважды останавливаться и спрашивать дорогу. Добравшись наконец до нужного поворота, она едва не проскочила его. Указатели отсутствовали; въезд на дорогу был обозначен каменными колоннами. Между ними располагались открытые ворота. Притормозив у въезда, она заметила в их чугунном рисунке по-барочному изящные «Б» и «Х». Сразу за колоннами дорога сворачивала, исчезая в лиственном лесу. Так вот где находятся родные места Гарри.

Она проехала через ворота и оказалась на дороге. Хотя ее мостили недавно, клены и дубы по бокам были вполне взрослыми. Осень уже успела тронуть некоторые листья яркими красками. Вот и сентябрь, думала Тоби. И когда только лето промелькнуло? Она ехала по извилистой дороге, разглядывая деревья по обочинам, густой подлесок и укромные места, которые могли бы скрыть тело. Интересно, осмотрела полиция этот кустарник? Если Гарри брел впотьмах этим путем, он вполне мог тут заблудиться. Надо будет позвонить в полицейский участок Ньютона, предложить прочесать эту часть дороги.

Внезапно деревья впереди расступились, открывая вид столь неожиданный, что Тоби резко нажала на тормоз. Рядом с дорогой вырос зеленый щит, на котором золотыми буквами значилось: «Брэнт-Хилл. Только для проживающих и гостей».

Позади щита открывался ландшафт, позаимствованный из роскошных живописных изображений английской провинции. Она увидела мягкие перекаты полей с подстриженной травой, сад с аккуратно обрезанными деревьями и причудливыми животными, тронутые осенними красками шеренги берез и кленов. Словно драгоценный камень, поблескивал пруд, окруженный дикими ирисами. Пара лебедей безмятежно скользила среди водяных лилий. За прудом раскинулась «деревня» – шикарный поселок; возле каждого коттеджа имелся небольшой, обнесенный изгородью садик. Главным средством передвижения, похоже, здесь были машинки для гольфа с бело-зелеными тентами. Эти автомобильчики были повсюду: стояли на обочинах или неторопливо катили по дорожкам. Тоби заметила несколько таких же машинок на поле для гольфа – они перевозили игроков с одной лужайки на другую.

Она посмотрела на пруд, неожиданно задумавшись, насколько здесь глубоко и можно ли утонуть. Ночью, в темноте плохо соображающий человек вполне мог забрести в воду.

Она поехала дальше, к поселку. Метров через пятьдесят Тоби увидела поворот направо и еще одну табличку:

БРЭНТ-ХИЛЛ

КЛИНИКА И МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ

Она свернула.

Петлявшая по хвойному лесу дорога неожиданно уткнулась в парковку, за которой маячило трехэтажное здание. С одной стороны к нему вот-вот должны были пристроить новое крыло. Сквозь сетку, которой была обнесена стройплощадка, Тоби увидела готовый котлован под фундамент. На краю котлована несколько мужчин в касках обсуждали чертежи.

Тоби оставила машину на гостевой стоянке и вошла в клинику.

Ее встретила тихая классическая музыка. Тоби остановилась – обстановка произвела на нее впечатление. Это совсем не напоминало типовой больничный вестибюль. Лоснящиеся кожей диваны, на стенах – подлинники живописных полотен. Она посмотрела на издания, лежавшие на журнальном столике. «Архитектурный дайджест», «Город и природа». Никакой вам «Популярной механики».

– Могу я вам чем-то помочь? – Женщина в розовой униформе улыбнулась из окошка регистратуры.

Тоби подошла к ней.

– Я доктор Харпер из больницы Спрингер. Вчера вечером в отделении неотложной помощи я осматривала одного из ваших пациентов. Я пыталась связаться с лечащим врачом, чтобы узнать о состоянии здоровья пациента, но мне никак не удается его найти.

– Кто его врач?

– Доктор Карл Валленберг.

– А, он уехал на конференцию. Вернется в понедельник.

– Могу я взглянуть на медкарту? Возможно, это кое-что прояснит.

– Простите, но мы не даем их без разрешения пациента.

– Пациент не в состоянии дать согласие. Могу я поговорить с кем-то еще из врачей?

– Давайте я сначала найду карту. – Сестра подошла к шкафу. – Фамилия?

– Слоткин.

Сестра выдвинула ящик и порылась в папках.

– Гарольд или Агнес Слоткин?

Тоби опешила.

– Есть еще и Агнес? Она родственница Гарри?

Сестра взглянула в записи:

– Его жена.

«Почему сын Гарри ни словом не обмолвился о ней?» – удивилась Тоби. Покопавшись в сумочке, она достала ручку.

– Вы можете дать мне ее номер? Мне очень нужно поговорить с ней насчет Гарри.

– В ее комнате нет телефона. Вы можете подняться туда на лифте.

– Куда?

– Агнес Слоткин находится наверху, в отделении постоянного ухода. Комната три-четыре-один.

Тоби постучала в дверь.

– Госпожа Слоткин! – окликнула она.

Ответа не последовало. Тоби осторожно вошла.

Из радиоприемника тихонько лилась классическая музыка. Сквозь прозрачные шторы мягким рассеянным сиянием проникал солнечный свет. На ночном столике роняли лепестки полуосыпавшиеся розы. Лежащая в постели женщина ничего этого не замечала. Ни цветов, ни солнечного света, ни появления постороннего в ее комнате.

Тоби подошла к кровати:

– Агнес!

Женщина не шелохнулась. Она лежала на левом боку, лицом к двери. Глаза полуоткрыты, но не сфокусированы; тело удерживали подсунутые за спину подушки. Руки сложены на груди в полубогазии, как у эмбриона. Кремово-белая жидкость из пакета над кроватью капала в трубку, змейкой уползавшую в ноздрю. Постельное белье на вид было чистым, однако в помещении стоял специфический запах, который не могли перебить даже розы. Запах паралитика – запах талька, мочи и витаминных пищевых добавок. Запах медленно угасающего тела.

Тоби взяла женщину за руку и осторожно потянула. Локтевой сустав распрямился с едва заметным сопротивлением. Контрактуры образоваться еще не успели, медперсонал исправно проводил с пациенткой пассивную гимнастику. Опуская руку, Тоби обратила внимание на ее пухлость – несмотря на коматозное состояние, пациентка получала хорошее питание и достаточно жидкости.

Тоби вгляделась в расслабленное лицо, размышляя, на нее ли смотрят эти глаза. Видит ли эта женщина вообще что-нибудь, понимает ли?

– Здравствуйте, госпожа Слоткин, – тихонько сказала она. – Меня зовут Тоби.

– Агнес не может вам ответить, – раздался голос позади. – Но, я полагаю, она вас слышит.

Вздвигнув, Тоби обернулась и увидела обладателя этого голоса. Он стоял в дверях, точнее говоря, заполнял собой весь дверной проем – чернокожий гигант с широким лицом и блестящим клином носа. «Лицо у него приятное, – решила она, – оттого что глаза добрые». Он был в белом докторском халате и держал в руках медкарту.

Улыбнувшись, он протянул ей ладонь. Рука была такой длинной, что рукав халата не покрывал запястье.

«Интересно, существуют ли вообще халаты такого размера?» – размышляла она.

– Доктор Роби Брэйс. Я врач госпожи Слоткин. Вы родственница?

– Нет. – Тоби ответила на рукопожатие, почувствовав, как его рука охватила ее ладонь, словно теплая коричневая перчатка. – Я работаю в отделении неотложной помощи в Спрингере, это недалеко отсюда. Доктор Тоби Харпер.

- Профессиональный интерес?
- Вроде того. Я надеялась, госпожа Слоткин сможет рассказать мне об истории болезни своего мужа.
- С господином Слоткином что-то стряслось?
- Прошлой ночью его доставили в неотложку, он бредил и не ориентировался в происходящем. Прежде чем я закончила оформление, Гарри сбежал. Теперь мы не можем его найти, и я так и не поняла, что с ним. А вы, случайно, не знаете?
- Я лишь контролирую уход за пациентами в стационаре. О нем вам лучше справиться у врачей амбулаторного отделения, это внизу.
- Гарри – пациент доктора Валленберга. Но его сейчас нет в городе. А клиника не даст мне никаких записей без его разрешения.
- Роби Брэйс пожал плечами:
- Такой уж тут порядок.
- А вы знакомы с Гарри? Есть ли у него проблемы со здоровьем, о которых мне стоило бы знать?
- Трудно назвать это знакомством. Я вижу его лишь мимоходом, когда он навещает Агнес.
- Так, значит, вы с ним говорили.
- Ну да, здоровались, вот и все. Я здесь работаю только месяц и до сих пор затрудняюсь сказать, кто есть кто.
- А вы имеете право показать мне его медкарту?
- Он покачал головой:
- Это может только доктор Валленберг, да и ему понадобится письменное согласие пациента, чтобы дать вам какие-либо сведения.
- Но это могло бы повлиять на медобслуживание его пациента.
- Вы вроде сказали, что он сбежал из вашей неотложки, нет?
- Да, он...
- Значит, он уже не ваш пациент, так?
- Тоби молчала, не находя, что ответить. Гарри действительно сбежал из ее отделения, ушел из-под ее опеки. У нее нет убедительных причин требовать его медкарту.
- Она посмотрела на лежащую больную:
- Полагаю, госпожа Слоткин тоже не сможет мне ничего рассказать.
- К сожалению, Агнес вообще не говорит.
- Инсульт?
- Субарахноидальное кровоизлияние. Судя по карте, она здесь уже год. Похоже, не выходит из вегетативного состояния. Однако время от времени она вроде как смотрит на меня. Верно, Агнес? – сказал он. – Ты ведь поглядываешь на меня, дорогая?
- Женщина в кровати не шелохнулась, даже ресницы не дрогнули.
- Он подошел к постели и начал осматривать свою пациентку. Его темные руки резко контрастировали с бледностью ее кожи. Он прослушал стетоскопом сердце и легкие, проверил живот – нет ли метеоризма, посветил фонариком в глаза, исследуя зрачки. Сделав несколько движений ее руками и ногами, проверил подвижность суставов. Затем повернул ее на бок, осматривая кожные покровы на спине и ягодицах. Никаких пролежней. Он снова осторожно уложил ее на подушки и прикрыл одеялом.
- Хорошо выглядишь, Агнес, – промурлыкал он. – Приятного дня.
- Тоби последовала за ним из комнаты, чувствуя себя лилипутом, который плетется за великаном.
- Для человека, уже год пребывающего в вегетативном состоянии, она весьма неплохо выглядит.

Он открыл карту и записал результаты последнего осмотра.

– Разумеется. У нас обслуживание класса «роллс-ройс».

– И по таким же ценам?

Брэйс оторвался от записей, на губах впервые появилось некое подобие улыбки.

– Скажем так, у нас нет пациентов со страховкой для малоимущих.

– Они сами оплачивают пребывание здесь?

– Они могут себе это позволить. У нас есть весьма обеспеченные постояльцы.

– Это место исключительно для пенсионеров?

– Нет, несколько человек еще продолжают активно трудиться, а место в Брэнт-Хилле они купили просто для того, чтобы иметь гарантию на будущее. Мы предоставляем проживание, питание, медицинскую помощь. Пожизненный уход, если это необходимо. Возможно, вы заметили, мы расширяемся.

– Еще я заметила превосходное поле для гольфа.

– Есть также теннисные корты, кинотеатр и крытый бассейн. – Он закрыл карту и усмехнулся. – Так и на пенсию пораньше потянет, верно?

– Вряд ли я смогу себе позволить пожить здесь на пенсии.

– Открою секрет: я тоже. – Он взглянул на часы. – Приятно было познакомиться, доктор Харпер. Простите, мне нужно осмотреть и других пациентов.

– Как я могу побольше разузнать о Гарри?

– Доктор Валленберг вернется в понедельник. Тогда и поговорите с ним.

– Но мне хотелось бы сейчас узнать, с чем я имела дело. Это меня действительно волнует.

А вы не могли бы посмотреть амбулаторную карту? Позвоните мне, если найдете что-нибудь интересное.

Она быстро записала свой домашний номер на визитке и протянула ему.

Он неохотно принял карточку.

– Я погляжу, что можно сделать, – только и сказал он.

Затем повернулся и пошел в следующую палату, оставив Тоби в коридоре.

Она со вздохом отвернулась от закрытой двери. Тоби сделала все возможное, чтобы раздобыть информацию, но в Брэнт-Хилле упорно отказывались от сотрудничества. Теперь голод и усталость навалились на нее; она ощущала настойчивые призывы своего организма. Есть. Спать. Сейчас же. На ватных ногах она поплелась к лифту. Но застыла на полпути.

Кто-то кричал.

Крик доносился из палаты в дальнем конце коридора, и в нем звучала не боль, а страх.

Тоби кинулась на крик и услышала за спиной нестройные голоса и топот бегущих по коридору. Она добралась до комнаты раньше всех и распахнула дверь.

Первое, что она увидела, был пожилой мужчина, стоявший на четвереньках на постели. Ниже пояса он был голый, и его морщинистые ягодицы двигались вверх-вниз в непристойном собачьем танце.

Затем Тоби разглядела расprostертую под ним женщину, ее хрупкое тело скрывалось под скомканным одеялом и простынями.

– Уберите его от меня! Пожалуйста, уберите его! – кричала она.

Тоби схватила его за руку и попыталась оттащить. Но он с такой силой толкнул ее, что Тоби отлетела и растянулась на полу. В палату вбежала медсестра.

– Господин Хакетт, перестаньте! Прекратите! – Сестра попыталась оттащить мужчину, однако тоже была отброшена в сторону.

Тоби с трудом поднялась на ноги.

– Хватайте его за одну руку, а я – за другую! – скомандовала она, обходя кровать.

Вместе им удалось ухватить мужчину за руки. Но даже пока его стаскивали, он продолжал дергаться, словно нелепый сексуальный робот, у которого не предусмотрен выключатель. Женщина на кровати свернулась в позу эмбриона и заплакала, кутаясь в одеяло.

Внезапно мужчина вывернулся, заехав Тоби локтем в подбородок. Челюсть клацнула, пронзив острой болью скулу. В глазах у Тоби вспыхнуло, и она чуть не выпустила больного, однако бешеная ярость помогла удержать его. Старик снова кинулся на нее. Эта была звериная схватка; Тоби чувствовала запах его пота, каждый напряженный борьбой мускул. Сестра потеряла равновесие, споткнулась и выпустила его. Старик дотянулся до затылка Тоби и схватил ее за волосы. Теперь он тыкался в нее – торчащий пенис мужчины толкался ей в бедро. Омерзение и злость клокотали в ее горле. Она напрягла ногу, изготавившись садануть ему коленом в пах.

Однако мишень исчезла. Пара громадных черных рук подняла противника в воздух. Роби Брэйс протащил его по комнате и рывкнул сестре:

– Несите халдол, быстро! Пять кубиков внутримышечно. Срочно!

Медсестра выскочила из комнаты и через минуту вернулась, держа в руке шприц.

– Давайте же, я не могу его тут вечно удерживать, – сказал Брэйс.

– Мне бы до его задницы добраться...

– Живей, живей!

– Но он выворачивается...

– Черт, а парень-то силен. Чем вы его тут кормите?

– Он на протокольном лечении, а еще у него «альцгеймер»... Не достать мне его никак!

Брэйс сменил хватку, повернув мужчину задом к медсестре. Она ухватила в складку кожу на голой ягодице и воткнула иглу. Старик взвизгнул, взбрыкнул и вырвался от Брэйса. Заметавшись, он схватил с тумбочки стакан с водой и запустил доктору в лицо.

Стакан угодил Брэйсу в висок и разбился.

Тоби рванулась вперед и ухватила старика за запястье, прежде чем тот снова успел замахать. Она жестко скрутила его руку, осколок выпал из сжатых пальцев.

Брэйс обхватил гигантскими ручищами больного за плечи и проорал:

– Всадите ему остаток халдола!

Сестра повторно воткнула иглу в ягодицу и вдавила поршень.

– Ну все! Боже, я надеюсь, это сработает лучше, чем мелларил.

– Этот парень на меллариле?

– Круглосуточно. А я говорила доктору Валленбергу, что это на него не действует. За этими пациентами с «альцгеймером» глаз да глаз нужен, а не то... Доктор, да у вас кровь! – ахнула она.

Тоби с тревогой подняла глаза и увидела, как струйка крови, сбегая по щеке Брэйса, капает на белый халат. Осколок стекла раскрыл ему кожу на виске.

– Надо остановить кровотечение, – сказала Тоби. – Вам нужно наложить швы.

– Для начала позвольте мне убедиться, что этот парень надежно привязан. Прошу вас, сэр. Вернемся в вашу палату.

Старик смачно плюнул:

– Черномазый! А ну выпусти меня!

– Бог ты мой! Пытаешься взбесить меня, а?

– Ненавижу черномазых!

– Ага, как и все, – отозвался Брэйс скорее устало, чем сердито. Ему все-таки удалось вывести – а отчасти вынести – старика в коридор. – Похоже, приятель, ты заслужил свидание со смирительной рубашкой.

– Ой! Только не превращайте меня в чудовище Франкенштейна, ладно?

Тоби аккуратно опорожнила шприц с ксилокаином и вытащила иглу. Она ввела местный анестетик в оба края раны и, немного выждав, осторожно уколола кожу.

– Чувствуете?

– Нет. Все онемело.

– Вы уверены, что не хотите поручить это дело пластическому хирургу?

– Вы ведь работаете в неотложке. Разве вам не приходится постоянно этим заниматься?

– Да, но если вас беспокоит косметический эффект...

– С чего бы? Я и так страшен как черт. Шрам, глядишь, послужит украшением.

– Ну, у вас появится еще один отличительный признак, – сказала она, беря пинцет и нитку.

Все необходимое нашлось в прекрасно оснащенном медицинском кабинете. Как и все прочее в Брэнт-Хилле, оборудование было самым лучшим и современным. Стол, на котором лежал Роби Брэйс, можно было установить в самых разных положениях, что делало его удобным для работы хоть с травмами головы, хоть с геморроем. Яркости верхних ламп хватило бы для любого хирургического вмешательства. В углу на случай необходимости стоял мобильный реанимационный набор, последней модели, разумеется.

Она еще раз смазала рану бетедином и проткнула края изогнутой хирургической иглой. Роби Брэйс лежал на боку, не шевелясь. Большинство пациентов в такой ситуации опустили бы веки, однако его глаза оставались широко открытыми и неотрывно смотрели на противоположную стену. Хоть габаритов он был устрашающих, глаза смягчали грозное впечатление. Они были тепло-карими, с густыми, как у ребенка, ресницами.

Тоби сделала еще стежок и протянула нитку через кожу.

– Порез довольно глубокий, – заметила она. – Хорошо еще в глаз не попал.

– Думаю, он целил мне в глотку.

– И он круглосуточно принимает успокоительное? – Она покачала головой. – Вам стоит удвоить дозу и держать его взаперти.

– Обычно так и есть. Мы держим пациентов с «альцгеймером» в изолированном помещении, где можно контролировать их действия. Наверное, господину Хакетту удалось выбраться оттуда. И знаете, иногда эти старички не могут справиться со своим либидо. Самоконтроль-то исчезает, а телесные желания остаются.

Тоби отрезала нитку и закрепила последний стежок. Рана теперь была закрыта, и Тоби промокнула ее спиртом.

– А что за протокольное лечение?

– А?

– Сестра сказала, что господин Хакетт на протокольном лечении.

– А, это исследования Валленберга. Инъекции гормонов пожилым людям.

– Для чего?

– Для омоложения, для чего же еще? У нас богатые клиенты, и большинство из них мечтают жить вечно. Они все с радостью готовы участвовать в новейших медицинских выходках.

Он сел на край стола и помотал головой, словно пытаясь избавиться от внезапного приступа головокружения. Тоби охватила паника: чем люди крупнее, тем тяжелее падают. И тем тяжелее поднимать их с пола.

– Лягте обратно, – велела она. – Вы слишком рано поднялись.

– Я в порядке. Пора возвращаться к работе.

– Нет, вы пока посидите здесь, ладно? Иначе вы можете упасть, и мне придется зашивать вас с другой стороны.

– Еще один шрам, – проворчал он, – еще чуть больше отличий.

– Вы и так ни на кого не похожи, доктор Брэйс.

Он улыбнулся, но взгляд его оставался несколько рассеянным. Тоби опасливо наблюдала за ним минуту-другую, готовая подхватить, если тот отключится, однако он сумел удержаться на ногах.

– Так расскажите мне побольше об этом протоколе. Что за гормоны колет Валленберг?

– Целый коктейль. Гормон роста. Тестостерон. Дегидроэпиандростерон. Еще какие-то. На эту тему существует масса работ.

– Я знаю, что гормон роста увеличивает мышечную массу у пожилых. Но мне как-то не попадались материалы по комбинированному применению.

– Но все же в этом есть смысл, верно? С возрастом деятельность гипофиза угасает. И он перестает вырабатывать соки, свойственные молодости. Если верить теории, в этом-то и состоит причина старения – наши гормоны погибают.

– А Валленберг, стало быть, заменяет их?

– Похоже, это дает некий эффект. Вон, взгляните на господина Хакетта. Парень хоть куда.

– Да уж. Но почему вы даете гормоны пациенту с «альцгеймером»? Он же не может дать на это согласие.

– Возможно, он согласился несколько лет назад, когда еще соображал.

– Исследование длится так долго?

– Валленберг работает над этим с девяносто второго года. Загляните в «Указатель медицинских публикаций». Увидите, его имя мелькает в нескольких десятках изданий. Все, кто занимается гериатрией, знают Валленберга. – Брэйс осторожно поднялся из-за стола. Помедлив несколько мгновений, он удовлетворенно кивнул. – Непокосим как скала. И когда снимать швы?

– Через пять дней.

– А когда я получу счет?

Она улыбнулась:

– Обойдемся без счета. Просто окажите мне услугу.

– Угу.

– Посмотрите карту Гарри Слоткина. Позвоните мне, если что-нибудь найдете. То, что я могла упустить.

– А вы полагаете, что пропустили что-то?

– Не знаю. Но собственных ошибок не выношу. Гарри могло хватить сообразительности добраться назад в Брэнт-Хилл. Возможно, даже в палату к жене. Будьте начеку.

– Я предупрежу сестер.

– Его нельзя не заметить. – Тоби потянулась к своей сумочке. – Он в костюме Адама.

Тоби подъехала к своему дому, остановилась рядышком с «хондой» Брайана и заглушила мотор. Она не сразу вылезла из машины, а задержалась на некоторое время: сидела и слушала тихое пощелкивание остывающего двигателя, наслаждаясь мгновениями покоя, когда никто ничего не требует. Как же их много, этих требований! Она сделала глубокий вдох и откинула голову на подголовник. Девять тридцать, тихое время в округе, населенной провинциальными интеллигентами. Родители ушли на работу, дети отправлены в школу или детсад, дома опустели в ожидании домработниц, которые все отдраят и пропылесосят, а затем исчезнут, оставив после себя характерный лимонный запах полироли. Это был безопасный район с ухоженными домиками; не самая изысканная часть Ньютона, но вполне удовлетворявшая потребность Тоби в том, что касалось упорядоченности жизни. После неожиданностей ночного дежурства в неотложке начинаешь ценить тщательно подстриженную лужайку.

Чуть дальше по улице внезапно пробудился садовый пылесос. Затишье кончилось. Служба наружной уборки на своих пикапах уже вторглась в округу.

Тоби неохотно покинула «мерседес» и поднялась на крыльцо.

Брайан, помощник ее матери, подждал у двери, скрестив на груди руки и неодобрительно щурясь. Он был похож на жокея, изящный, миловидный молодой человек, однако преграду он представлял собой значительную.

– Ваша мама сегодня прямо на стенку лезла, – сообщил он. – Не стоит так с ней поступать.

– А ты разве не сказал ей, что я задержусь?

– Без толку. Знаете же, она этого не понимает. Она ждет, что вы придете рано, а если нет, она принимается за свое – ну, знаете, подходит к окну и в ожидании вашей машины начинает раскачиваться взад-вперед, взад-вперед до бесконечности.

– Прости, Брайан. Я ничего не могла поделать.

Тоби вошла следом за ним в дом и положила сумку на стол в прихожей. Нарочито медленно вешая куртку, она твердила про себя: «Спокойно, спокойно. Не кипятись. Он тебе нужен. Он нужен маме».

– Мне-то все равно, задерживаетесь вы на два часа или нет, – продолжал он. – Я свое получаю. И получаю очень неплохо, спасибо вам. Но вот вашей маме, бедняжке, это не рас толкуешь.

– У нас проблемы на работе.

– Она не притронулась к завтраку. Вон у нее в тарелке остывшая яичница.

Тоби хлопнула дверцей стеного шкафа:

– Я приготовлю ей другой завтрак!

Молчание.

Она стояла к нему спиной, продолжая держать руку на дверце. В голове крутилось: «Я не хотела отвечать так резко. Я просто устала. Я так устала!»

– Что ж, – проговорил Брайан, обозначив этим все. Обиду. Поражение.

Тоби повернулась к молодому человеку. Они были знакомы уже два года, но так и не стали настоящими друзьями, никогда не заходили дальше отношений работника и нанимателя. Она ни разу не была у него дома, не видела Ноэля, его соседа по дому. И все же в этот момент она понимала, что зависит от Брайана больше, чем от кого-либо. Именно он делал ее жизнь относительно нормальной, и Тоби не могла потерять его.

– Прости, – извинилась она. – Мне просто не потянуть сейчас еще и это. У меня была преме рзкая ночь.

– Что случилось?

– Мы потеряли двух пациентов. За час. И я до сих пор чувствую себя просто ужасно. Я не хотела на тебе отыгрываться.

Он слегка кивнул, неохотно принимая извинения.

– А как у вас прошла ночь?

– Она проспала всю дорогу. Я только что вывел ее в сад. Это всегда успокаивает.

– Надеюсь, она не повыдергает весь салат.

– Не хочу вас огорчать, но салат пошел в семена уже месяц назад.

«Ну вот, теперь я еще и садовник никудашный», – подумала Тоби, направляясь через кухню к черному ходу. Каждый год с самыми радужными надеждами она разбивала огородик. Она сажала салат, цукини и зеленую фасоль, и ростки успешно всходили. Но затем наваливались всевозможные дела, и она забрасывала огородные хлопоты. Салат зацветал, желтая перезревшая фасоль висела на плетистых стеблях. Тоби с отвращением все обрывала и давала себе клятву на следующий год постараться как следует, но прекрасно знала, что и следующий год принесет урожай несъедобных цукини, больше похожих на бейсбольные биты.

Она вышла во двор. Сначала она не заметила маму. Сад разросся, превратившись в полные сорняков джунгли; цветы и выющиеся растения доходили в высоту до подбородка. Этот сад всегда отличался приятным художественным беспорядком: клумбы, разбитые без всякого плана, просто по прихоти садовника, расползались вширь год от года. Когда Тоби купила этот

дом лет восемь назад, она собиралась повыдергать самые непокорные растения и установить безжалостный садовый порядок. Но тогда Эллен отговорила ее; Эллен объяснила, что в саду надо культивировать как раз беспорядок.

И вот теперь Тоби стояла у задней двери и оглядывала сад, разросшийся так, что не было видно мощеных дорожек. Что-то зашуршало среди цветов, и в поле зрения появилась соломенная шляпка. Эллен, стоя на коленках, ковырялась в земле.

– Мамочка, я дома.

Шляпка запрокинулась, открыв круглое загорелое личико Эллен Харпер. Увидев дочь, она помахала ей; рука ее что-то сжимала. К тому времени как Тоби прошла через двор и шагнула в заросли переплетенных стеблей, мама поднялась на ноги, и Тоби увидела, что у нее в кулачке зажат пучок одуванчиков. По иронии судьбы в этом состояла одна из особенностей болезни Эллен: она разучилась готовить и умываться, но не разучилась – и, наверное, уже никогда не разучится – отличать сорняки от цветов.

– Брайан говорит, ты еще не ела, – сказала Тоби.

– Мне кажется, ела. А разве нет?

– Ладно, я собираюсь приготовить завтрак. Не хочешь пойти в дом и позавтракать со мной?

– Но у меня еще так много дел. – Эллен со вздохом оглядела клумбы. – Я, наверно, никогда не смогу все закончить. Ты видишь вот это? Эту гадость?

Она помахала зажатой в кулачке вялой зеленью.

– Это одуванчики.

– Да. Они везде. Если я их не повыдергиваю, они ползут дальше, вон в те фиолетовые. Как ты там их называешь...

– Фиолетовые? Честно, мам, даже и не знаю.

– Все равно места ведь больше не будет, значит придется все расчищать. Это борьба за место. Так много дел, и вечно не хватает времени.

Она придирчиво оглядела сад, ее щеки покраснелись от солнца. «Так много дел, и вечно не хватает времени». Это была типичная присказка Эллен, прямо-таки мантра, уцелевшая после распада остальной части памяти. Почему только эта фраза сохранилась в сознании? Неужели жизнь овдовевшей матери двух дочерей до такой степени сдавливалась узкими рамками времени, бременем неисполненных дел?

Эллен опустила на колени и снова принялась копать в земле. Что она искала, Тоби не знала – наверное, снова ненавистные одуванчики. Тоби подняла глаза и увидела, что на небе ни облачка, день выдался приятный и теплый. Эллен можно спокойно оставить тут и без присмотра. Калитка заперта, сама Эллен выглядит вполне довольной. Здесь она обычно и проводит летние деньки. Тоби сделает ей сэндвич и оставит на кухонном столе, а потом пойдет спать. В четыре часа пополудни она проснется, и они с Эллен вместе пообедают.

Она услышала, как отъехала машина Брайана. В половине седьмого он вернется, чтобы остаться с Эллен на ночь. А Тоби снова уйдет на свое обычное дежурство в клинику.

«Так много дел, и вечно не хватает времени». Эта мысль стала мантрой и для Тоби. Что матери, что дочери – обеим вечно не хватает времени.

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Вызванный утренней нервотрепкой адреналин выветрился, и теперь усталость каменной глыбой навалилась на плечи. Тоби знала, что ей лучше сразу пойти спать, но шевельнуться не было сил. Она продолжала наблюдать за матерью, думая о том, как молодо та выглядит, похожа скорее на круглолицую девочку в панамке, чем на пожилую женщину. На девочку, которая радостно лепит куличики из земли.

«Теперь мама – я», – пронеслось в голове Тоби. И как любая мать, она внезапно осознала, насколько быстро летит время, проносятся мгновения.

Она присела на корточки рядом с мамой.

Эллен покосилась на нее, в голубых глазах мелькнуло удивление.

– Тебе что-то нужно, дорогая? – осведомилась она.

– Нет, мамочка. Я просто подумала, что надо помочь тебе и выдернуть несколько сорняков.

– О! – Эллен улыбнулась и, подняв испачканную в земле руку, убрала со щеки Тоби выбившуюся прядь. – А ты уверена, что знаешь, какие дергать?

– Ты же мне покажешь?

– Вот. – Эллен мягко подвела руку Тоби к пучку зелени. – Можешь начать с этих.

И, встав на колени бок о бок, мать и дочь принялись дергать одуванчики.

5

Ангус Парментер запустил беговую дорожку и почувствовал, как резиновая лента слегка дернулась у него под ногами. Он ускорил шаг до бодрых одиннадцати километров в час. Пульс его тоже участился – это было видно на небольшом цифровом мониторе, прикрепленном к поручню тренажера. 112, 116, 120. Надо заставить сердце вкалывать и кровь струиться в жилах! «Встряхнись! Вдох-выдох, вдох-выдох. Пусть мышцы поработают».

На экране, который висел прямо перед глазами, чтобы разнообразить тренировку,плыли булыжные улочки греческой деревни. Однако взгляд Ангуса был прикован к цифровому монитору. Он следил, как пульс подползает к 130. Наконец нужная частота сердечных сокращений достигнута. Он постарается удержать ее в течение следующих двадцати минут, даст себе хорошую нагрузку, чтобы улучшить кислородный обмен. Затем поостынет, позволив своему пульсу постепенно упасть до сотни, затем до восьмидесяти, затем и до его обычной частоты покоя в 68 ударов. После этого настанет время «Наутилуса» – тренажера для верхней половины тела, а потом – водные процедуры. К тому времени пора будет идти на обед – обезжиренная, богатая протеинами и грубой клетчаткой пища подается в местной столовой. Вместе с едой он примет и несколько обычных пилюль: витамин Е, витамин С, цинк, селен. Арсенал чудесных средств, удерживающих годы в узде.

Пока все это, похоже, действует. В свои восемьдесят два Ангус Парментер чувствовал себя хорошо, как никогда. И с наслаждением вкушал плоды своих трудов. Он без устали вкалывал, чтобы нажить свое состояние, – гораздо больше, чем любой из этих хлюпиков. У него были деньги, и он намеревался жить, пока они не кончатся – все до последнего цента. Пусть следующее поколение само для себя зарабатывает. Настало его время пожить в свое удовольствие.

После обеда он сыграет в гольф с Филом Дорром и Джимом Бигелоу, его друзьями-соперниками. Затем у него есть возможность прокатиться в город на принадлежащем Брэнт-Хиллу микроавтобусе – сегодня вечером они собирались на «Кошек» в театральный центр «Вонг». Наверное, он слиняет. Пусть дамочки тащатся от выводящих рулады кисок, это не для него; как-то раз он уже видел это шоу на Бродвее, и этого больше чем достаточно.

Он услышал, как рядом затарахтел велотренажер, и обернулся. Джим Бигелоу яростно крутил педали. Ангус кивнул:

– Привет, Джим.

– Здорово, Ангус.

Некоторое время они потели рядом, сосредоточенные на тренировке, а потому молчаливые. На экране виды греческих улочек сменились грязной дорогой в тропическом лесу. Сердечный ритм Ангуса непоколебимо держался на 130 ударах в минуту.

– Ты что-нибудь уже знаешь? – спросил Бигелоу, перекрикивая стрекот велосипеда. – Насчет Гарри?

– Нет.

– Я видел их... полицию... они обыскивали пруд. – Бигелоу задыхался, ему было тяжело крутить педали и говорить одновременно.

Его трудности, думал Ангус. Бигелоу никогда не отказывал себе в десерте, а в спортзал наведывался не чаще раза в неделю. Он терпеть не мог зарядку, ненавидел здоровую пищу. В семьдесят шесть Бигелоу и выглядел на свой возраст.

– Я слышал... за завтраком... его еще не нашли... – Бигелоу подался вперед, его лицо раскраснелось от натуги.

– Это и я слышал, – отозвался Ангус.

– Странно. Не похоже на Гарри.

– Да уж.

– Правда, он уже неделю... вел себя как-то не так. Не заметил?

– Ты о чем?

– Рубашку наизнанку надел. Носки непарные. Раньше за ним такого не водилось.

Ангус не отрывал взгляда от экрана. Тропические заросли расступались перед ним. По ветке дерева над головой скользил боа-констриктор.

– А его руки... обратил внимание? – пропыхтел Бигелоу.

– Что с ними?

– Они дрожали. Всю прошлую неделю.

Ангус промолчал. Вцепившись в рукоятки, он сосредоточился на тренировке. «Раз-два, раз-два, качай икры, пусть будут крепкими и молодыми».

– Чертовски странная вещь, – сказал Бигелоу. – Этот случай с Гарри. А тебе не кажется...

– Мне ничего не кажется, Джим. Будем просто надеяться, что он вернется.

– Да.

Бигелоу перестал крутить педали. Он сидел, восстанавливая дыхание, и смотрел на экран, где тропический ливень молотил по зарослям папоротника.

– Только вот в чем закавыка, – тихо сказал он. – Не верится мне, что с ним будет все в порядке, когда он объявится. Прошло уже два дня.

Ангус резко выключил дорожку. Никакой передышки! Он сразу же пойдет на другой тренажер. Перекинув через плечо полотенце, он направился на другой конец зала к «Наутилусу». К его досаде, Бигелоу оставил велосипед и последовал за ним.

Не обращая внимания на Бигелоу, Ангус присел на скамью и начал тренировать мышцы спины.

– Ангус! – окликнул его Бигелоу. – Тебя это не беспокоит?

– Мы все равно ничего не можем поделать, Джим. Полиция ищет.

– Нет, я имею в виду, тебе это не напоминает... – Бигелоу понизил голос. – То, что случилось со Стеном Маки?

Ангус замер, вцепившись в рукоятки «Наутилуса».

– Это было несколько месяцев назад.

– Да, и было то же самое. Помнишь, как он появился с расстегнутой ширинкой. А потом забыл, как звать Фила. Трудно забыть имя лучшего друга.

– В случае с Филом – нетрудно.

– Удивительно, что ты так легкомысленно к этому относишься. Сначала мы потеряли Стена. А теперь Гарри. Что, если... – Бигелоу умолк и оглядел спортзал, словно боялся, что кто-то может их подслушать. – А если вообще что-то идет не так? Что, если мы все вот-вот заболеем?

– Стен покончил самоубийством.

– Так нам сказали. Но люди без причины так не прыгают из окон.

– Ты настолько хорошо знал Стена и уверен, что у него не было причин?

Бигелоу потупился:

– Нет...

– Ну вот.

Ангус возобновил упражнение. «Потянуть, отпустить. Потянуть, отпустить. Сохранить молодость мышцам...»

Бигелоу вздохнул:

– У меня все-таки это не идет из головы. Не знаю, что и думать. Может, это какой-то... Не знаю. Рука Провидения. Может, мы это заслужили.

– Не будь таким ревностным католиком, Джим! Вечно ты ждешь, что разверзнутся небеса и тебя поразит молнией. Прошло уже полгода, а я чувствую себя, как никогда в жизни. – Ангус

вытянул ногу. – Взгляни на этот квадрицепс! Видишь, какие мышцы? Два года назад их не было.

– А мой квадрицепс ничуть не изменился, – хмуро заметил Бигелоу.

– Потому что ты им не занимаешься. И чертовски много беспокоишься.

– Наверное, так и есть, – вздохнул Бигелоу и повесил полотенце себе на шею. От этого он стал похож на черепаху, высунувшую голову из панциря.

Ангус проследил, как его приятель, тяжело ступая, выходит из зала. Бигелоу выглядел стариком, и неудивительно – на велосипеде он проводил не более десяти минут, почти не занимался и на других тренажерах. Некоторые люди просто не в состоянии поддерживать себя в форме. Вместо этого они попусту тратят силы на беспокойство о том, с чем все равно не могут ничего поделать.

Мышцы спины приятно горели от хорошей нагрузки. Он отпустил блоки и позволил себе минутную передышку. Оглядев зал, он увидел, что все остальные тренажеры заняты главным образом женщинами – отрядом бабулек в спортивных костюмах и теннисных туфлях. Некоторые дамы поглядывали в его сторону и даже строили глазки, что он считал совершенно нелепым в их возрасте. На его вкус, они были слишком старыми. Вот женщина, скажем, лет пятидесяти могла бы его заинтересовать. Но только если она будет изящной и хорошо сложенной, чтобы соответствовать ему во всех отношениях.

Пора дать потрудиться пекторальным мышцам.

Он потянулся к нужным рукояткам и уже приготовился свести руки, когда заметил: с агрегатом что-то не так. Правую рукоять, казалось, мелко трясло.

Он ослабил хватку и осмотрел деталь. Она была совершенно неподвижна, ни малейшего колебания. Он опустил глаза и похолодел. «Что такое?»

Его правая рука дрожала.

Молли Пикер подняла голову от унитаза и надавила на ручку спуска. В желудке у нее ничего не осталось. Пепси, кукурузные чипсы и хлопья для завтрака – все выскочило. Голова кружилась. Молли села на пол и привалилась к стене, прислушиваясь к шуму воды в трубах. «Три недели, – подумала она. – Я болею уже три недели».

Она заставила себя подняться и поплелась в постель. Свернувшись на комковатом матрасе, она тут же крепко уснула.

Проснувшись она в полдень, когда в комнату вошел Роми. Он не потрудился даже постучать, просто сел на кровать и потряхнул ее за плечо:

– Привет, Молли-Дуролли. Все еще животом маешься?

Застонав, она повернулась к нему. Роми напоминал ей рептилию – зализанные назад блестящие волосы, глаза такие темные, что не видно зрачков. Человек-ящерица. Но рука, гладившая ее волосы, была нежной – этого она за Роми не замечала уже давненько.

Он улыбнулся:

– Не слишком хорошо сегодня, а?

– Меня снова стошнило. Я блюю без остановки.

– Ладно, я наконец-то принес тебе кое-что от этого.

Он поставил на тумбочку флакон. На этикетке от руки было написано: «При тошноте принимать по одной таблетке каждые восемь часов». Роми сходил в ванную, налил стакан воды и вернулся к постели. Открыв бутылочку, он вытряхнул одну таблетку и помог Молли сесть.

– Кидай в топку, – велел он.

Она хмуро посмотрела на таблетку:

– Что это?

– Лекарство.

– Где ты это взял?

– Да не бойся. Это то, что доктор прописал.

– Какой доктор?

– Слышь, я тут пытаюсь что-то из себя строить, хочу, чтоб тебе легче стало, а ты еще пререкаешься. Да плевать мне, будешь ты жрать эти таблетки или нет.

Она отвернулась и почувствовала, что его рука, которую он прижимал к ее спине, превратилась в кулак. Затем неожиданно он расслабился и принялся ласково и примирительно поглаживать ее спину.

– Ладно тебе, Молли. Знаешь ведь, я о тебе забочусь. И всегда так было, и всегда будет.

Она горько усмехнулась:

– Можно подумать, это делает меня какой-то особенной.

– А ты и есть особенная. Моя неповторимая малышка. Моя самая лучшая девочка. – Его ладонь скользнула ей под рубашку и легонько провела по коже. – Ты была такой колючкой в последнее время, прямо и не угодишь. Но ты же знаешь, Молли-Вкуснёля, я всегда заботился о тебе. – Он лизнул мочку ее уха и промурлыкал: – Ням-ням.

– Так что это за таблетки?

– Я же сказал. Чтобы тебя перестало тошнить и ты снова стала кушать. Девочка растет и должна кушать как следует. – Его губы скользнули вниз по ее шее и оказались на плече. – А если не будешь есть, придется отвезти тебя в больницу. Ты же не хочешь угодить в больницу? К странноватым врачам?

– Не хочу я никаких врачей.

Она смотрела на таблетку, лежавшую у нее на ладони, и удивлялась – не по поводу лекарства, а по поводу Роми. Он уже несколько месяцев не был с ней так ласков, вообще почти не замечал. Не то что прежде, когда она и впрямь была для него особенной. Когда они проводили в постели ночи напролет, смотрели MTV, пили пиво и ели мороженое. Когда он был единственным, кто прикасался к ней. Кому позволялось к ней прикасаться. А потом все изменилось.

Он улыбнулся – не обычной своей кривоватой усмешкой, а по-настоящему, так, что и глаза улыбнулись.

Она проглотила таблетку и запила глотком воды.

– Вот умница. – Он снова уложил ее на подушку и подоткнул одеяло. – А теперь спи.

– Роми, побудь со мной.

– Мне пора идти, детка. – Он поднялся. – Дела.

– Я должна тебе кое-что сказать. Мне кажется, я знаю, почему я болею...

– Мы поговорим об этом потом, ладно? – Он погладил ее по голове и вышел.

Молли уставилась в потолок. «Три недели слишком долго для желудочного гриппа, – думала она. Молли положила руки на живот; ей показалось, что она уже чувствует какую-то припухлость. – Где я прокололась? От кого же я залетела?» Она всегда была осторожна, всегда сама брала презервативы, она даже научилась их надевать ласковыми поглаживаниями в ходе прелюдии. Она не была дурочкой и знала, от чего девчонку может тошнить.

И вот сейчас она попалась сама, причем не могла вспомнить, когда совершила ошибку.

А Роми будет винить ее.

Молли поднялась с кровати и почувствовала головокружение. Это от голода. В последнее время ей все время хотелось есть, даже несмотря на тошноту. Одеваясь, она сжевала несколько чипсов. Соль была приятной на вкус. Она могла бы есть их горстями, но оставалось всего несколько штук. Молли разорвала пакет и вылизала крошки, затем посмотрела в зеркало. На губах застыла соляная корка, а вид в целом вызвал у нее такое отвращение, что она швырнула пакет в мусорное ведро и выскочила из комнаты.

Было всего четверть второго, и ничего особенного в ближайшее время не ожидалось. На улице она увидела Софи: привалившись к дверному косяку, та шумно прихлебывала пепси из

банки. У Софи была только задница, и никаких мозгов. Решив не обращать на нее внимания, Молли прошла мимо, целеустремленно глядя прямо перед собой.

– Ну надо же, наша Плоскодонка пожаловала, – сказала Софи.

– Чем больше сисек, тем меньше мозгов.

– Значит, подруга, у тебя наверняка чертова уйма мозгов.

Молли пошла дальше, ускорив шаг, чтобы не слышать ржания Софи. Она не останавливалась, пока не добралась до телефонной будки в двух кварталах от дома. Найдя потрепанный экземпляр «Желтых страниц», она просмотрела оглавление, опустила в автомат двадцатипятицентовую монетку и набрала номер.

– Консультация по абортам.

– Мне надо с кем-то поговорить, – начала Молли. – Я беременна.

Черный автомобиль подплыл к тротуару. Роми влез на заднее сиденье и закрыл дверь.

Водитель не обернулся – он никогда не оборачивался. Большую часть времени в таких случаях Роми приходилось таращиться ему в затылок – узкий, с неправдоподобно белыми волосами. Такой цвет нечасто увидишь, особенно у парня. Роми стало любопытно, западают ли на него девки. По его представлениям, девкам на самом деле плевать, есть ли у тебя хоть один волос на голове, был бы бумажник потолще.

У самого Роми кошелек за последние дни изрядно похудел.

Он обвел глазами салон – как и раньше, с восхищением; при этом его немало раздражал тот факт, что человек на водительском сиденье превосходит его, и во многом. Не было нужды знать имя этого человека или род занятий; превосходство витало в воздухе, его можно было уловить так же, как запах натуральной кожи, которой были обтянуты сиденья. Для такого парня он, Ромулус Белл, не более чем шматок грязи, который случайно оказался в автомобиле и вскоре будет из него вышвырнут. Ради такого не стоит и оборачиваться.

Роми посмотрел на открытую шею водителя и подумал, как легко было бы все изменить, стоило только захотеть. От этой мысли ему немного полегчало.

– Тебе есть что сказать мне? – спросил водитель.

– Да. У меня еще одна залетела.

– Ты уверен?

– Эй, я знаю своих девочек вдоль и поперек. Я узнаю об этом раньше, чем они сами. Ведь я каждый раз оказывался прав, верно?

– Положим.

– Так что насчет денег? Мне полагаются деньги.

– Есть проблема.

– Что за проблема?

Водитель протянул руку и поправил зеркало заднего вида.

– Анни Парини не явилась утром на встречу.

Роми застыл, вцепившись в спинку переднего кресла:

– Что?

– Я не нашел ее. Ее не было там, где мы договаривались, у Коммон-парка.

– Она была там. Я сам ее туда отвел.

– Значит, она ушла, прежде чем я подъехал.

«Бестолковая сучка», – подумал Роми. Как можно вести дела, когда эти сучки действуют против него, вечно норовят все испортить? Шлюхи безмозглые. А теперь они сделали идиота из него самого.

– Где Анни Парини, господин Белл?

– Я найду ее.

– И поскорее. У нас в запасе не больше месяца. – Шофер махнул рукой. – Можете вылезать из машины.

– А мои деньги?

– Сегодня вы ничего не получите.

– Но я же сказал, у меня еще одна в залете.

– На этот раз мы сначала хотим получить свое. Последняя неделя октября. И не потеряйте товар. А теперь выходите, господин Белл.

– Мне нужны...

– Выходите.

Роми вылез, хлопнув дверью. Машина тут же рванула с места, оставив его в бессильной ярости.

Он двинулся по Третмонт-стрит, его раздражение нарастало с каждым шагом. Он знал, где обитает Анни Парини; знал, что может отыскать ее – и отыщет.

Слова шофера не шли у него из головы: «На этот раз не потеряйте товар».

Зазвонил телефон, пробудив Тоби от такого глубокого сна, что у нее сложилось впечатление, будто она выныривает из непролазной трясины. Нашупав трубку, она сбила ее с рычага. Телефон с глухим стуком упал на пол. Перекатившись в кровати, чтобы добраться до телефона, она краем глаза взглянула на часы. Было ровно двенадцать часов дня – для нее то же самое, что для других полночь. Трубка завалилась за тумбочку. Потянув за провод, Тоби удалось ее достать.

– Алло!

– Доктор Харпер? Это Роби Брэйс.

Она силилась припомнить, кто этот человек и почему его голос ей знаком.

– Дом престарелых в Брэнт-Хилле, – напомнил он. – Мы виделись два дня назад. Вы спрашивали меня про Гарри Слоткина.

– А, да. – Она села, сон внезапно слетел с нее без остатка. – Спасибо, что позвонили.

– Боюсь, что сказать особо нечего. Передо мной сейчас медицинская карта Гарри, и тут значит, что он совершенно здоров.

– Там совсем ничего?

– Ничего, что могло бы объяснить заболевание. В данных внешнего осмотра ничего интересного. Анализы на вид хорошие... – До Тоби донесся шелест перелистываемых страниц. – Здесь есть анализ на полный гормональный профиль – все в норме.

– Когда это было?

– Месяц назад. Значит, то, что вы видели в неотложке, какой-то острый случай.

Она закрыла глаза и почувствовала, как ее желудок снова сжимается от волнения.

– Ничего нового не слышно? – спросила она.

– Сегодня утром прочесали пруд. Его не нашли. Что, полагаю, к лучшему.

«Да. Это значит, что, возможно, он еще жив».

– В любом случае больше я ничего не могу вам сообщить.

– Спасибо, – сказала она и повесила трубку.

Тоби знала, что нужно попытаться снова заснуть. Вечером ей предстоит дежурство, на отдых осталось не больше четырех часов. Однако звонок Роби Брэйса взволновал ее.

Телефон зазвонил снова.

Она схватила трубку:

– Доктор Брэйс?

Голос на другом конце прозвучал удивленно:

– Хм, нет... Это Пол.

Пол Хокинс был главным в отделении скорой помощи больницы Спрингер. Формально он был ее начальником, неофициально – одним из немногих близких друзей среди медперсонала, способным всегда выслушать и посочувствовать.

– Извини, Пол, – сказала Тоби. – Я думала, это мне один человек перезванивает. Что случилось?

– У нас тут проблема. Мне нужно, чтобы ты пришла после обеда.

– Но я только несколько часов назад сменилась. И сегодня опять в ночь.

– Работать не придется. Просто нужно подойти к начальству. Эллис Коркоран просил.

В местной медицинской иерархии главный хирург Коркоран занимал высшую ступень власти. Пол Хокинс, как и другие главы отделений, подчинялся ему.

Тоби выпрямилась:

– И зачем я понадобилась?

– Да есть пара вопросов.

– Гарри Слоткин?

Пауза.

– Отчасти. Есть и другие темы, которые они хотят обсудить.

– Они? А кто еще там будет?

– Доктор Кэри. Руководство. Их интересует, что произошло сегодня ночью.

– Я же тебе рассказывала.

– Да, и я попытался объяснить это им. Но Дагу Кэри вожжа под хвост попала. Он пожаловался Коркорану.

Тоби застонала:

– Знаешь, из-за чего весь сыр-бор, Пол? Это не имеет отношения к Гарри Слоткину. Это из-за того мальчика, Фрейтаса. Того, что умер несколько месяцев назад. Кэри пытается мне отомстить.

– Это совершенно другой вопрос.

– Нет. Кэри тогда облажался, и мальчик умер. А я сказала, что это из-за него.

– Это было не простое обвинение в ошибке. Из-за тебя он пошел под суд.

– Семья мальчика спросила мое мнение. Мне что, нужно было солгать им? В любом случае его стоило отдать под суд. Оставить парнишку с разрывом селезенки без наблюдения! Ведь мне пришлось реанимировать бедного ребенка.

– Положим, он действительно напортачил. Но ты могла бы посдержаннее высказывать свое мнение.

В этом-то и была главная сложность. Тоби не умела сдерживаться.

В таком случае ужаснется любой врач: умирающий ребенок. Рыдающие родители в коридоре. Пытаясь спасти мальчика, Тоби выпалила с досадой: «Почему ребенок не в реанимации?»

Родители слышали это. Потом об этом узнали адвокаты.

– Тоби, сейчас нам надо сосредоточиться на текущих делах. Встреча назначена сегодня на два часа. Тебя приглашать не хотели, но я настоял.

– А почему меня не хотели звать? Это что, тайный суд Линча?

– Просто постарайся приехать, ладно?

Она повесила трубку и посмотрела на часы. Уже половина первого; она не сможет уйти – сначала нужно кому-нибудь перепоручить маму. Она схватила трубку и набрала Брайана. После четырех длинных гудков включился автоответчик: «Привет, это Ноэль! А это Брайан! Мы с нетерпением ждем от вас новостей, поэтому оставьте сообщение...»

Она нажала кнопку разъединения и набрала другой номер – сестры. «Пожалуйста, будь дома. Прошу, Вики, ради меня,ними трубку!»

– Аллю!

– Это я, – проговорила Тоби, облегченно вздохнув.

– Можешь подождать секунду? У меня там на плите...

Тоби услышала, как трубка легла на стол, звякнула крышка кастрюли. Затем на линии снова послышался голос Вики:

– Извини. Сегодня придут на обед сослуживцы Стива, и я пытаюсь приготовить новый десерт...

– Вики, у меня безвыходное положение. Мне нужно, чтобы ты пару часов присмотрела за мамой.

– Ты хочешь сказать... прямо сейчас? – Вики недоверчиво хмыкнула.

– У меня срочная встреча в больнице. Я заброшу ее к тебе и заберу, как только освобожусь.

– Тоби, у меня сегодня гости. У меня готовки полно, еще надо прибраться дом, и вот-вот придут из школы дети.

– Мама не доставит тебе хлопот, правда. Она сама чем-нибудь займется на заднем дворе.

– Я не хочу, чтобы она слонялась по двору! Мы только что уложили там новый газон...

– Тогда усади ее перед телевизором. Мне нужно бежать, иначе я не успеваю.

– Послушай...

Тоби швырнула трубку. У нее не было ни времени, ни терпения на споры, до Вики еще полчаса езды.

Эллен была в саду, радостно ковырялась в компостной куче.

– Мам, – сказала Тоби, – нам надо ехать к Вики.

Эллен выпрямилась, и Тоби с досадой обнаружила, что у нее все руки черные и платье выпачкано землей. Времени отмыть и переодеть ее не было. Вики удар хватит.

– Пошли в машину, – скомандовала Тоби. – Нам надо спешить.

– Нельзя беспокоить Вики, ты же знаешь.

– Ты уже сто лет ее не видела.

– Она занята. Вики очень занятая девочка. Я не хочу ей мешать.

– Мам, нам надо идти.

– Ты иди, а я останусь дома.

– Это всего на несколько часов. А потом сразу приедем домой.

– Нет, я лучше приберусь тут в саду.

Эллен наклонилась и воткнула совок поглубже в черную кучу компоста.

– Мама, надо идти! – В сердцах Тоби схватила мать за руку и подняла на ноги так резко, что Эллен испуганно охнула.

– Мне больно! – всхлипнула она.

Тоби мгновенно отпустила ее. Эллен отступила, потирая руку и недоуменно глядя на дочь.

Это молчание и блеснувшие в глазах слезы ранили Тоби в самое сердце.

– Мама. – Тоби покачала головой, сгорая от стыда. – Прости. Мне правда очень жаль. Я только хотела, чтобы ты меня сейчас послушалась. Ну пожалуйста!

Эллен посмотрела на свою упавшую шляпку, которая теперь лежала на траве, ее соломенные поля подрагивали на ветру. Она медленно нагнулась, подняла ее и выпрямилась, прижимая шляпку к груди. Горестно вздохнув, мама опустила голову и кивнула. Они пошли к калитке и остановились, чтобы Тоби отперла ее.

По дороге Тоби пыталась помириться с Эллен. С наигранной веселостью она рассказывала, как они проведут выходные. Они поставят возле дома еще одну шпалеру для роз и посадят куст «Нового рассвета» или «Пламени». Эллен очень любила красные розы. Они раскидают компост и разметят грядки для луковичных. А потом будут есть сэндвичи со свежими помидорами и пить лимонад. Им так много всего предстоит!

Эллен не сводила глаз со шляпы, лежавшей у нее на коленях, и молчала.

Подкатив к дому Вики, Тоби собралась с духом, чтобы выдержать предстоящее испытание. Вики, разумеется, поднимет несусветный шум, жалуясь на свою непомерную занятость. Ну конечно, у нее же столько обязанностей! Преподавание на кафедре биологии в колледже Бентли. Своенравный и раздражительный муж, чье самое любимое слово – «я». Сын и дочь с неизбежной хандрой переходного возраста. Хорошо Тоби одной и без детей! Кому же еще, как не ей, заботиться о маме?

«Что же еще мне делать в этой жизни?»

Тоби помогла Эллен вылезти из машины и подняться на крыльцо. Дверь распахнулась, и появилась Вики, красная от злости.

– Тоби, ты выбрала самое неудачное время!

– Для нас обеих, поверь. Постараюсь забрать ее, как только смогу. – Тоби подтолкнула мать вперед. – Иди, мама. Располагайся. Приятно тебе провести время.

– Я тут на кухне кручусь, – сообщила Вики, – и не могу смотреть за ней.

– С ней все будет отлично. Посади ее к телевизору. Она любит канал «Никелодеон».

Вики хмуро оглядела Эллен:

– Что у нее с одеждой? Она вся в грязи. Мама, а что с рукой? Почему ты ее трешь?

– Болит. – Эллен грустно покачала головой. – Тоби на меня рассердилась.

Тоби почувствовала, как заливается краской.

– Мне нужно было отвести ее в машину. Она не хотела уходить из сада. Вот почему она такая чумазая.

– Но не могу же я оставлять ее в таком виде! У меня гости в шесть!

– Обещаю тебе, я вернусь за ней раньше. – Тоби поцеловала Эллен в щеку. – До скорого, мама. Слушайся Вики.

Эллен, не оборачиваясь, прошла в дом. «Она меня наказывает, – подумала Тоби. – Заставляет чувствовать себя виноватой за то, что я вспылила».

– Тоби, – окликнула Вики, спускаясь вслед за ней к машине, – в следующий раз предупреди меня заранее. И вообще, разве мы не за это платим Брайану?

– Не смогла найти его. Дети скоро вернутся. Они могут присмотреть за ней.

– Они не хотят!

– А ты попробуй заплатить им. Твои дети наверняка ценят всемогущий доллар.

Тоби захлопнула дверь и завела мотор. «И какой черт меня за язык тянул? – думала она, отъезжая. – Мне надо остыть. Взять себя в руки и подготовиться к этой встрече». С Вики она уже дала маху. Теперь не только Эллен, но и сестра будет на нее дуться. Возможно, вообще весь этот проклятый мир на нее разобиделся.

Ей внезапно захотелось дать по газам и уехать куда глаза глядят, подальше от всего этого. Сменить имя, город, жизнь. Нынешняя превратилась в хаос, и Тоби не знала, чья в том вина. Наверняка не только ее, она просто пыталась делать все, что было в ее силах.

Было 14:10, когда она въехала на стоянку больницы Спрингер. Времени на раскачку не оставалось, встреча уже началась, а ей не хотелось, чтобы Даг Кэри раскрывал рот в ее отсутствие. Если уж он собирается нападать на нее, Тоби хотела быть там, чтобы защищаться. Она помчалась напрямик в административное крыло, взбежала на второй этаж и зашла в зал.

Все сразу примолкли.

Оглядев стол, она увидела среди шести присутствовавших и дружеские лица. Пол Хокинс. Вэл. Модин. Тоби села рядом с Вэл, напротив Пола, который молча приветствовал ее кивком. Если уж кто-то маячит перед глазами, пусть это будет симпатичный мужчина. Она едва взглянула на доктора Кэри; тот сидел на дальнем конце стола, однако его враждебность невозможно было не почувствовать. Мелкий человечек (во всех смыслах), Кэри компенсировал свой малый рост гвардейской выправкой и угрожающе прямым взглядом. Подлый мелкий чихуа-хуа. В этот момент он в упор смотрел на Тоби.

Решив не обращать внимания на Кэри, она сосредоточилась на главном хирурге Эллисе Коркоране. Она не очень хорошо знала Коркорана – любопытно, а мог ли кто-нибудь в Спрингер похвастаться, что хорошо его знает? Было весьма непросто преодолеть его замкнутость, характерную для янки. Он редко выказывал эмоции, вот и сейчас лицо его оставалось бесстрастным. Администратор клиники Айра Бекетт, который сидел, упершись массивным животом в стол, тоже редко выставлял чувства напоказ. Молчание затягивалось. У Тоби взмокли ладони, под столом она вытерла их о брюки.

– Так вы говорили нам, мисс Коллинз... – напомнил Айра Бекетт.

Модин откашлялась.

– Я пыталась вам объяснить, что все случилось одновременно. У нас в травмпункте находилась тяжелая пациентка. Все свое внимание мы направили на нее. Мы сочли, что господин Слоткин достаточно стабилен...

– То есть вы не обращали на него внимания? – влез Кэри.

– Нет, обращали.

– Как долго он оставался без присмотра? – уточнил Бекетт.

Модин взглянула на Тоби с мольбой: «Помоги мне!»

– Я была последней, кто видел господина Слоткина, – сказала Тоби. – Это было примерно в пять, пять пятнадцать. А в шесть с чем-то я поняла, что его нет.

– Значит, вы оставили его без присмотра почти на час?

– Он ожидал компьютерной томографии. Мы уже позвонили технику-рентгенологу. На тот момент мы больше ничего не могли для него сделать. Мы так и не знаем, как ему удалось выбраться.

– Потому что вы не приглядели за ним, – постановил Кэри. – Вы даже не привязали его.

– Он был привязан, – возразила Вэл. – И руки, и ноги.

– Значит, он новый Гудини. Никто не может самостоятельно выбраться при фиксации в четырех точках. Или кто-то забыл закрепить ремни?

Обе медсестры молча разглядывали стол.

– Доктор Харпер, – сказал Бекетт, – по вашим словам, вы были последней, кто видел господина Слоткина. Он был привязан?

Она сглотнула.

– Я не знаю.

Пол, сидевший напротив нее, нахмурился:

– Ты говорила, что был.

– Я так думаю. В смысле, я полагала, что привязала его. Смена была такая суматошная, что теперь... теперь я не уверена. Если бы он был привязан, то не смог бы сбежать.

– Ну, наконец-то мы, по крайней мере, честно в этом признались, – заметил Кэри.

– Я никогда не была нечестной, – огрызнулась она. – Если у меня и были проколы, то я уж, во всяком случае, это признавала.

– Тоби, – предостерегающе вмешался Пол.

– Иногда нам приходится управляться с пятью экстренными случаями сразу. Мы не можем помнить каждую мелочь, если во время дежурства возникают осложнения.

– Вот видите, Пол? – сказал Кэри. – О чем я и говорю. Мне постоянно приходится сталкиваться с подобными выпадами. И всегда это ночная смена.

– Вообще-то, вы единственный, кто на них жалуется, – заметил Пол.

– Я могу назвать вам еще пяток врачей, у которых были те же проблемы. Нам звонят в любое время ночи, вызывая к пациентам, которых вообще не нужно было принимать. Это вопрос компетентности.

– О каких пациентах вы говорите? – поинтересовалась Тоби.

– У меня сейчас нет списка перед глазами.

– Тогда поищите. Если вы намерены ставить под сомнение мою компетентность, я хочу конкретики.

Коркоран вздохнул:

– Мы уходим от сути.

– Нет, суть как раз в этом, – возразил Кэри. – В компетентности персонала отделения, которое возглавляет Пол. А вы знаете, что они здесь устроили вчера вечером? Гулянку по поводу дня рождения! Я зашел в ординаторскую за кофе, а там повсюду гирлянды повешаны! И торт с кучей потушенных свечек. Вот что тут происходило. Они так увлеклись вечеринкой, что не позаботились...

– Это чушь собачья, – отрезала Тоби.

– Но ведь у вас была вечеринка, верно? – сказал Кэри.

– Да, до того, как все началось. И это никоим образом не помешало нашей работе. А когда доставили женщину с тампонадой, нам вообще стало ни до чего. Все силы были брошены на нее.

– Но вы и ее потеряли, – заметил Кэри.

Это прозвучало как пощечина. Краска залила щеки Тоби. Самое ужасное, что он был прав. Она действительно потеряла пациентку. Смена обернулась скандалом, да еще и публичным. Другие пациенты слышали в приемной гневный монолог Слоткина-младшего. Затем «скорая» доставила пациента с болью в груди, да еще полиция приехала, две патрульные машины – помочь в поисках исчезнувшего пациента. Первый закон Ньютона правил бал в отделении Тоби, превратив до мелочей выверенный порядок в хаос.

Упершись руками в стол, она подалась вперед, глядя при этом не на Кэри, а на Пола.

– У нас не было соответствующей помощи для случая с тампонадой. Эту пациентку нужно было везти в хирургический центр. Мы сохраняли ей жизнь, сколько могли. Сильно сомневаюсь, что даже наш великолепный доктор Кэри смог бы спасти ее.

– Вы позвонили мне слишком поздно, и я ничего не мог поделать, – заявил Кэри.

– Мы позвонили, как только поняли, что это тампонада.

– И сколько времени у вас на это ушло?

– Несколько минут после того, как ее доставили.

– Согласно отчету «скорой», больную привезли в пять двадцать. А мне позвонили только в пять сорок пять.

– Нет, это было раньше. – Она посмотрела на Вэл и Модин, те дружно кивнули.

– Этого нет в записях, – возразил Кэри.

– Когда было это записывать? Мы из сил выбивались, чтобы спасти ее!

– Пожалуйста, успокойтесь, – вмешался Коркоран. – Мы тут собрались не на кулачный бой. Надо обсудить, как разобраться с новой проблемой.

– Что еще? – изумилась Тоби.

Все удивленно посмотрели на нее.

– Я не успел сказать тебе, – пояснил Пол. – Я и сам только что услышал. Какие-то газетчики пронюхали. Пошел материал под заголовком вроде: «Забытый всеми пациент исчез из неотложки». Журналист недавно звонил, спрашивал о подробностях.

– А что здесь интересного для репортеров?

– Ну, это как если бы хирург отрезал не ту ногу. Народ любит узнавать об оплошностях медиков.

– Но кто им рассказал? – Тоби обвела глазами сидящих за столом и на миг встретила взглядом с Кэри. Он отвернулся.

– Может, им сообщила семья Слоткина, – предположил Бекетт. – Возможно, они собираются подавать иск. Мы не знаем, как это на самом деле просочилось в газеты.

– Ошибки всегда всплывают, – ядовито заметил Кэри.

– Ваши обычно удавалось похоронить, – парировала Тоби.

– Я прошу вас, – одернул их Коркоран. – Если пациента благополучно обнаружат, все в порядке. Но прошло уже два дня, и, насколько мне известно, от него ни слуху ни духу. Остается только надеяться, что его найдут целым и невредимым.

– За сегодняшнее утро репортер звонил уже дважды, – сообщила Модин.

– Надеюсь, никто с ним не откровенничал?

– Нет. На самом деле сестры просто вешали трубку.

– Да уж, это единственный способ общения с прессой, – мрачно хмыкнул Пол.

– Если этого человека сумеют найти, – объявил Коркоран, – то нам, возможно, удастся выпутаться из этой передраги без особых потерь. К сожалению, больные «альцгеймером» способны бродить часами.

– У него нет «альцгеймера», – возразила Тоби.

– Но вы сказали, у него было расстройство сознания.

– Я не знаю причину. При осмотре я не нашла никаких очаговых поражений. Все анализы крови у него в норме. К сожалению, не удалось сделать томографию. Я бы с удовольствием сообщила вам его диагноз, но мне не довелось закончить обследование. – Она немного помолчала. – Хотя у меня возникал вопрос, действительно ли у него были судороги.

– Вы что-то видели?

– Я заметила, как у него дергается нога. Не могу сказать, было ли это движение произвольным.

– О боже. – Пол откинулся на спинку кресла. – Будем надеяться, он не забредет на шоссе или к какому-нибудь водоему. Он мог попасть в беду.

Коркоран кивнул:

– И мы тоже.

После собрания Пол пригласил Тоби в больничную столовую. Было три часа, кормить закончили час назад, так что в их распоряжении оставались лишь автоматы, набитые крекерами, чипсами и нескончаемым запасом кофе, крепкого, как серная кислота. В столовой было пусто, можно было расположиться где угодно, однако Пол предпочел столик в самом углу, подальше от входа. Подальше от чужих ушей.

Он сел, не глядя на нее.

– Поверь, это нелегко для меня, – признался Пол.

Она сделала глоток; осторожно и сосредоточенно опустила чашку. Он по-прежнему смотрел не на нее, а на стол. Нейтральная территория. Не похоже на Пола, раньше он не избегал ее взгляда. Многие годы между ними держались спокойные и открытые дружеские отношения. Как всегда в случае дружбы между мужчиной и женщиной, у них были и свои маленькие уловки. Тоби никогда не признавалась, насколько он ей симпатичен, поскольку это было бессмысленно, да вдобавок она слишком хорошо относилась к его жене Элизабет. Но во всем остальном они были друг с другом честны. Поэтому ей и было сейчас так обидно видеть, как он таращится на стол, поскольку это порождало сомнения в его прежней искренности.

– Я рад, что ты приехала, – сказал он. – Мне хотелось, чтобы ты увидела, с чем мне приходится сталкиваться.

– Ты про Дага Кэри?

– Не только. Знаешь, меня попросили прийти на собрание руководства в следующий четверг. Я уверен, это дело всплывет и там. У Кэри есть друзья в правлении. И он жаждет крови.

– Он жаждет ее уже несколько месяцев, с тех самых пор, как умер этот мальчик, Фрейтас.

– И сейчас для него – долгожданная возможность отыграться. История со Слоткином просочилась наружу. Так что больничное руководство вынуждено выслушать все жалобы Кэри на тебя.

– Думаешь, они обоснованны?

– Если бы я так думал, ты бы у меня не работала. Уверю тебя.

– Проблема в том... – вздохнула она. – Боюсь, я действительно в этот раз дала маху. Не понимаю, как Гарри Слоткин мог сбежать, если он был привязан. А значит, я, наверное, оставила его непривязанным. Я просто не помню...

Глаза резало от недосыпа, и кофе устроил бунт в желудке. «Вот и я теряю память, – подумала она. – Неужели это первый признак «альцгеймера»? Неужели это и для меня начало конца?»

– Я все думаю о маме, – призналась Тоби. – О том, что бы я чувствовала, если бы это она потерялась где-то на улице. Как бы я злилась на людей, виноватых в этом. Я проявила беспечность и подвергла опасности беспомощного старика. Семья Гарри Слоткина имеет полное право подать на меня в суд. Осталось только подождать, когда это произойдет.

Молчание Пола заставило ее поднять глаза.

– Наверное, пора тебе сказать... – тихо проговорил он.

– Что?

– Семья затребовала копию ваших записей. Запрос от их адвоката пришел сегодня утром. Она ничего не сказала. Изжога сменилась тошнотой.

– Это не значит, что они начнут тяжбу, – продолжал Пол. – Во-первых, его семья вряд ли нуждается в деньгах. А обстоятельства, которые могут при этом всплыть, не слишком приятны. Папаша, который бродит по парку голышом...

– Если Гарри найдут мертвым, я уверена, они пойдут в суд. – Тоби схватила за голову. – Боже мой, это будет уже второй судебный процесс за три года.

– Последний был сущей ерундой. И ты его выиграла.

– Этот не выиграю.

– Слоткину семьдесят два, жить ему осталось не так уж долго. Это может снизить ущерб.

– Семьдесят два – не возраст! Ему еще жить и жить!

– Но, попав в отделение неотложной помощи, он уже был болен. Если найдут его тело, если окажется, что он уже был смертельно болен, это сыграет тебе на руку в суде.

Она потеряла лицо:

– Вот уж где меньше всего мне хотелось бы оказаться. В суде.

– Давай не будем торопить события. У нас сейчас другая неприятность. Мы знаем, что информация уже просочилась в СМИ, а они любят страшилки про врачей. Если больничное руководство почувствует давление общественности, они вцепятся в меня и потребуют принять меры. Я сделаю все возможное, чтобы тебя защитить. Но, Тоби, могут убрать и меня... – Он помедлил. – Майк Эстерхаус уже выказал готовность занять это место.

– Это просто катастрофа!

– Он соглашатель. Он не станет воевать, как я. Каждый раз, когда пытаются сократить очередную дипломированную сестру, я начинаю вопить как резаный. А Майк вежливо поклонится: будьте любезны.

В первый раз ей пришлось в голову: «Я топлю Пола вместе с собой».

– Единственное, на что нам остается надеяться, – продолжил он, – что они найдут пациента. Тогда проблема разрешится. Не будет ни любопытства прессы, ни угрозы судебного разбирательства. Он должен найтись – в целости и сохранности.

– Что с каждым часом все менее и менее вероятно.

Они сидели молча, кофе в чашках стыл, их дружба трещала по швам. Вот почему врачам нельзя жениться на коллегах, подумала она. Вечером Пол вернется к Элизабет, чья работа

никак не связана с медициной. И между ними нет этой напряженности, им не приходится делить тревогу из-за Дага Кэри или судебного преследования, больничное руководство не способно испортить им ужин. Элизабет поможет Полу отвлечься от проблем, по крайней мере на один вечер.

«А кто поможет мне?»

6

Сегодня никаких резиновых кур, подумал Роби Брэйс, когда официантка поставила перед ним тарелку. Он посмотрел на седло барашка, молодую картошку и тушеные, совсем еще крошечные овощи. Все выглядело таким нежным и юным! Разрезая ножом мясо, он думал: избранные предпочитают питаться юностью. Сам-то он не чувствовал никакой особой избранности, хоть и сидел за столом, украшенным зажженными свечами, а рядом с его тарелкой примостился изящный бокал с шампанским. Он посмотрел на жену Грету, сидевшую рядом. Ее светлый лоб прорезала хмурая складочка. Он подозревал, что недовольство вызвано не качеством пищи – ее просьба о вегетарианской закуске была беспрекословно удовлетворена, а сама еда художественно сервирована. Глядя на два десятка других столов в банкетном зале, она наверняка обратила внимание на то, что заметил ее супруг: они сидели за самым дальним от трибуны столом. Задвинуты в угол, где их почти не видно.

Половина стульев за их столом пустовала, еще три были заняты администраторами дома престарелых и совершенно глухим инвестором Брэнт-Хилла. Их сослали за этот столик, словно в Сибирь. Оглядывая зал, он увидел, что другим врачам достались более почетные места. Доктор Крис Ольшанк, который был принят на работу в ту же неделю, что и Роби, получил место гораздо ближе к трибуне. «Возможно, это ничего не значит. Возможно, это просто случайная оплошность при размещении гостей». Но Брэйс не мог не отметить очевидную разницу между Крисом Ольшанком и собой.

Ольшанк был белым.

«Эй, приятель, ты забиваешь себе голову ерундой!»

Он в возмущении глотнул шампанского, осушив бокал одним глотком. Его не отпускала мысль, что он был единственным чернокожим мужчиной среди гостей. Были еще две черные женщины за другим столом, но он был единственным. Это уже превратилось в навязчивую идею, привычку, прочно засевшую в его сознании, которая срабатывала каждый раз, стоило ему оказаться в многолюдном помещении. Сколько среди присутствующих белых, сколько азиатов, сколько черных? Если тех или иных было слишком много, он чувствовал себя неудобно, словно была превышена некая приемлемая для него расовая квота. Даже теперь, будучи врачом, он не мог отделаться от болезненного осознания своего цвета кожи. Буквы после его имени, свидетельствующие о высшем медицинском образовании, ничего не изменили.

Грета протянула к нему руку – такую маленькую и бледную на фоне его черноты.

– Ты не ешь.

– Ничего подобного. – Он посмотрел на ее вегетарианское ассорти. – Как тебе кроличья еда?

– Кстати, очень вкусно. Попробуй! – Она подхватила вилкой кусочек приправленного чесноком картофеля и сунула ему в рот. – Правда, вкусно? И между прочим, полезнее для твоих сосудов, чем этот бедный ягненок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.